

ТУРОВНИКОВ ЮРИЙ

КАК В СТАРЫХ СКАЗКАХ
ТОМ I



ЛЕГЕНДА
О КОРОЛЕ И ШУТЕ

Как в старых сказках

Юрий Туровников

Легенда о короле и шуте

«Издательские решения»

2015

Туровников Ю. Ю.

Легенда о короле и шуте / Ю. Ю. Туровников — «Издательские решения», 2015 — (Как в старых сказках)

Давным-давно, в одном далеком Королевстве начали происходить странные события: в замке поселился призрак, в окрестных лесах орудуют разбойники, оборотни, зомби и всё такое! Еще с моря ползет неведомый туман. К тому же, кто-то по ночам посещает покои Первой Дамы. Государь в панике. Кто избавит королевство от напастей?! Дворцовый шут берет дело в свои руки.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	32
Глава четвертая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Как в старых сказках Том I

Легенда о короле и шуте

Юрий Туровников

© Юрий Туровников, 2015

© Юрий Туровников, дизайн обложки, 2015

Благодарности

Дарья Воронина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Давным-давно, в одном далеком Королевстве начали происходить странные события: в замке поселился призрак, в окрестных лесах орудуют разбойники, оборотни, зомби и всё такое! Еще с моря ползет неведомый туман. К тому же, кто-то по ночам посещает покои Первой Дамы. Государь в панике. Кто избавит королевство от напастей?! Дворцовый шут берет дело в свои руки.

Эта сказка написана по мотивам песен культовой группы «Король и Шут», которая уже стала легендой российского панк-рока. Итак, устраивайтесь поудобнее, мы начинаем.

Проза – Юрий Туровников,
стихи – Андрей Князев
(использованы с одобрения автора).

Группе «Король и Шут» посвящается...

Пролог

Несмотря на позднее время, народу в таверне было – не протолкнуться. Со всех сторон слышался смех, пьяная брань и громкий хохот. Масляные лампы нещадно чадили, и их копотье смешивалась с едким запахом табака, терпким ароматом вина и разнообразной снеди.

В центре зала, за круглым столом, гуляла шумная компания. Мужики о чем-то оживленно спорили и размахивали руками. Атмосфера накалялась с каждым мгновением. В конце концов, самый худой из них, одетый в штопаную рубаху и такие же ветхие штаны, схватил и расколол об голову своему собеседнику кувшин. Стоит заметить, что обидчик значительно уступал своему неожиданному недругу в размерах. Раза в три. Тот больше напоминал быка, нежели человека.

Глиняная посуда с треском развалилась десятком черепков, а брызги хмельного напитка разлетелись на сидящих рядом людей. Завязалась потасовка. Здоровяк вскочил с края лавки, отчего все, кто сидел с ним рядом, повалились на пол. Перегнувшись через стол, он схватил обидчика, который только и успел, что округлить глаза, за грудки и опустил свой могучий кулак ему на голову. Бедолага крикнул и обвис. Друзья дерущихся навалились на гиганта, пытаясь вырвать из его рук жертву. Все посетители таверны, за исключением участников потасовки, замолчали.

– Успокойся, Гаспар! Чего не скажешь в шутейном разговоре?! – крикнул кто-то.

– Оставь конюха в покое! – поддакнул второй.

– Он, кажись, окочурился уже, – почесал затылок третий.

– Вот незадача-то... – нахмурился четвертый. – Теперь точно в тюрьму посадят. На это раз за убийство. Сейчас стражников позовут...

– Кузнец, ты какой-то уж очень вспыльчивый! Что он тебе такого сказал?! – развел руками пятый.

Здоровяк тяжело вздохнул, разжал ладонь, и конюх шлепнулся на лавку, угодив рожей в миску.

– Да я уж и не помню... Вышибло все, когда он меня кувшином приложил, но точно что-то нехорошее, у меня даже кусок поперек горла встал. Иначе я бы не рассвирепел, я же добрый, – Гаспар подозвал халдея и заказал еще выпивки и полотенце, чтобы вытереть шевелюру и лицо.

Тут побитый мужичок неожиданно пришел в себя, открыл один глаз, осмотрел друзей-собутыльников и прокряхтел.

– А чего еще не налито?! – и компания разразилась хохотом.

Затихшая на время таверна вновь оживилась, но посетители все же продолжали осторожно поглядывать в сторону бузотеров.

В это самое время дверь таверны со скрипом отворилась, и внутрь зашел некто, скрывающий свое лицо под капюшоном. Снаружи раздался раскат грома, сверкнула молния, и в помещение ворвался порыв ветра, который едва не потушил лампы. Пламя дернулось, изогнув причудливо тени, но фитили не погасли. Взгляды посетителей обратились к вошедшему, но лишь на миг. Уже спустя секунду те снова пили и закусывали. Дверь хлопнула, отгородив всех от бушующей снаружи непогоды.

Незнакомец немного потоптался у входа, видимо кого-то разыскивая. Наконец, он нашел тех, кого искал. Человек махнул рукой и направился через весь зал к столу, что стоял в самом дальнем углу.

За столом собралась престранная компания: все были одеты в плащи, и, как один, скрывали свои лица, кто капюшоном, кто надвинутой на глаза шапкой, но на них никто не обращал внимания. Привычное дело.

– Извините, что задержался, дела, знаете ли, – новый посетитель занял свободное место, опрокинул в глотку предложенную кружку хмельного и, утерев рукавом плаща рот, произнес. – Ну что, други, вы уверены, что хотите быть посвященными в мои планы? Назад пути уже не будет! – все, сидящие за столом, скупно кивнули. – Ну что ж, тогда слушайте сюда! В общем так...

Заговорщики обнялись и сдвинулись поближе друг к другу так, чтобы ни единое слово не было услышано посторонними ушами...

Глава первая¹

Правитель Королевства Серединных Земель ерзал на своем золотом троне, стоявшем на возвышении возле стены, на которой висела огромная карта, вышитая сотнями умелиц. На полотнище отчетливо виднелись все окрестные населенные пункты: деревни, села, само королевство и, естественно, замок. Также на карте имелись поля, леса, озера и реки. Все, как и положено. Причем сопредельные государства обозначены не были, будто не существовали вовсе. Правитель не хотел вспоминать, что есть на свете земли, ему не принадлежащие. Слева и справа от золотого сидения дремали две здоровенные собаки.

Государь откровенно скучал и посему ковырял пальцем в носу, зажав скипетр под мышкой. Положив на колени державу, самодержец, сняв корону и почесав лысину, громко вздохнул. Королевская свита, что во главе с Первой дамой толпилась у окон, обрамленных белоснежными портьерами, перестала шептаться и обратила свои взоры на Августейшего. Его верный шут, сидевший на ступеньках подле трона, поправил колпак, звякнув бубенцами, и, оторвавшись от разглядывания портретов прежних правителей на стенах, тоже посмотрел на своего господина.

– Расскажите, что нового в моем королевстве, – Государь потянулся до хруста в суставах, поправил горностаевую мантию и приготовился слушать. – Какие новости? Не угрожает ли нам хранцуз какой или немчуриц?

На середину тронной залы вышел Главный и единственный Министр, что ходил в чине генерала. Его начищенные до блеска сапоги блестели так ярко, что он сам щурился и прикрывал глаза ладонью. Сняв треуголку, Министр начал мять ее в руках.

– Ваше Величество, в королевстве все спокойно, – Он поклонился и резко выпрямился, от чего его белоснежный парик съехал на бок. Бесчисленные медали звякнули на безупречно чистом кителе. Эполеты блеснули золотом, запустив по потолку солнечных зайчиков. Король проводил яркие пятнышки взглядом, зевнул, прикрыв рот скипетром, и выронил державу, которую поймал и вручил обратно государю ловкий шут. Главный Министр, тем временем, продолжил. – Урожай пшеницы сожрала саранча, но прошлогодних запасов должно хватить. В связи с жарой и дефицитом воды пришлось отключить фонтан на внутренней площади. Главный изобретатель Вашего Величества сильно противился этому, поэтому пришлось пригрозить ему отсечением головы.

– Тебе лишь бы головы рубить! – потянулся дворцовый болтун, перекинул ногу на ногу и поправил свой шутовской наряд. – У него, по крайней мере, руки из того места растут, откуда должно, в отличие от некоторых. Какую систему для поливки полей собрал! То, что потом водопровод в замке засорился – это дело десятое, но сам факт! Вон какую он нам штуку собрал, часы называется.

И шут кивнул, звякнув бубенцами, на противоположную стену. Министр повернулся, и его взору предстал престраннейший механизм, что висел над массивными золотыми створками дверей, состоящий из десятков металлических деталей, оснащенных зубчиками и закрючками, соединенных между собой. В центре всего этого безобразия находились две узкие полоски меди, указывающие на цифры, расположенные по кругу всей конструкции. Только сейчас королевская свита обратила внимание на этот предмет. Вельможи замолчали. В тишине отчетливо слышалось тиканье механизма.

– И на кой нам это? – усмехнулся генерал, поправив саблю, висевшую на боку.

– А теперь вы каждый день будете в одно и то же время приходиться на... – шут закатил глаза. – Как там это слово умное... Сопещание.

¹ По мотивам песни группы Король и Шут «Паника в селе»

– А посыльный на что?! – удивился генерал.

– Прошлый век! Теперь собрания будут проходить в девять часов. Запоминайте расположение стрелок: та, что побольше, минутная, указывает на двенадцать. Поменьше – часовая, указывает на девять.

– Так в двенадцать или в девять?! – вконец запутался Министр. – И как мы узнаем, что время уже пришло? Сюда постоянно бегать или не уходить вовсе, чтобы не прозевать?

Шут потряс пальцем в воздухе.

– Не обязательно. Еще одни часы будут висеть уже сегодня вечером в Бальном Зале. Еще мною дано указание собрать десяток подобных механизмов меньших размеров для ношения на руке. Вот опытный образец, – и шут закатал рукав, демонстрируя причудливый механизм, скрытый под стеклом.

Интерес разобрал и самого короля, который навис над своим слугой.

– А почему у меня таких нет?

– А тебе зачем? – спросил шут. – Если что, я рядом. И потом – образец еще плохо работает, мало ли что, – нагло соврал рыжеволосый болтун.

– Ну да... – согласился Государь. – Пару дней, по старинке, будем палить из орудия, чтобы вы попривыкли.

Министр покачал головой и прорычал, расправляя усы.

– Я точно этого изобретателя под топор пристрою. Баламутит народ и нас с толку сбивает. Он бы лучше пушку починил: третьего дня канонира опять разорвало. Это уже четвертый, осмелюсь доложить. Так никакой армии не напасешься. Случись что, кто врага лютого воевать будет, я?! Кстати, насчет армии... Недобор у нас в гвардию, одни калеки да хороняки. Не хотят государству служить, их больше тянет в портные да цирюльники.

В разговор опять вступил король, которого толкнул в бок шут, ибо Величество начал откровенно похрапывать.

– Да-да... – Государь утер слюни. – Разберемся. Ты не возмущайся. Часы это... часы! Я уже распорядился такие же повесить на всех башнях.

Теперь пришла очередь удивляться шуту. Он посмотрел на своего хозяина и подергал его за рукав.

– А это зачем? – Величество пожал плечами и шепотом ответил:

– Для престижу. Пушай шпиёны видят и завидуют, – и уже в голос продолжил. – Давай дальше, что там у нас в округе происходит? Как настроение у народа?

Придворные, воспользовавшись тем, что Августейший не обращает на них никакого внимания, вновь предались светским беседам и обсуждением своих украшений и нарядов. В общем, занялись привычным для них делом. Министр достал из кармана платок и промокнул вспотевший лоб. Острый глаз шута уловил волнение офицера, поэтому тот решил подстегнуть его.

– Ну не томи уже! Видишь, Государь нервничает?!

– Хм, – откашлялся генерал и вновь вытер пот. – В селе Большая пахота неприятность случилась. Ничего особенного, – его рука опять потянулась к голове.

Теперь и король не смог не заметить этого.

– Да я уж вижу. Вон, вокруг тебя уже целый пруд натек. Говори прямо, что стряслось.

Министр перевел дух и зачем-то через плечо посмотрел на часы.

– Не тяни дракона за хвост! – топнул ногой шут. – Давай, я тебе помогу. Повторяй за мной, – и он начал шептать. – В селе Большая пахота...

– В селе Большая пахота... – повторил Министр.

– Сошел с ума старейшина. Продолжайте.

Король устроился поудобнее, поменяв скипетр и державу местами. Видимо, затекли руки. Даже придворные отвлеклись от созерцания друг друга и обратились в слух.

В королевстве редко что происходило, поэтому любое маломальское происшествие привлекало всеобщее внимание, после чего долго обсуждалось. До следующего происшествия. Последняя такая новость была год назад: прежний изобретатель сконструировал некое устройство, названное пропеллером, с помощью которого он хотел взмыть в небо, как птица. Сделал безумец это для того, чтобы привлечь внимание одной королевской фрейлины, очень видной и пышногрудой дамы. Естественно, что у него ничего не вышло, и бедняга насмерть расшибся о скалы во время первого же испытания своего изобретения.

Это событие наделало много шума, обрастая день ото дня все новыми подробностями и домыслами. В итоге все забыли истинную причину этого безумного поступка, вконец запутались и вскоре прекратили обсуждения. Придворные музыканты даже сложили об этом песню, которую исполняли королю во время обеда. Стихи оказались незамысловатыми, а музыка до того веселой, что Величество заучил ее наизусть и с радостью подпевал.

Он печален был, он ее любил,
Но на всем ему отказ, чтоб он не попросил.
С горя он тогда пропеллер смастерил.
Как получилось – сам не понял!
Как-то вышел он на луг и увидел вдруг:
на краю утеса она молча смотрит вдаль.
Охватила тут юношу печаль,
и, разбежавшись, вниз он прыгнул.
И с утеса вниз парень полетел,
И завыл залетный ветер, гибели его свидетель.
Плакала она и его звала,
укоряла и бранила девушка себя:
– Ах, какая я бестолковая!
Ну почему в нем сомневалась?!
И в тот самый миг юноша возник
И с улыбкой над утесом в воздухе повис.
И воскликнул он: – Милая, сюрприз!
Но вдруг заглох его пропеллер.
И с утеса вниз парень полетел,
И завыл залетный ветер, гибели его свидетель.²

К слову сказать: нынешний изобретатель доработал конструкцию бедолаги, снабдив ее дополнительными лопастями, ременными передачами и ножным педальным приводом, вместо ручного. Весь механизм новоявленный конструктор закрепил на огромном шаре, который наполнялся горячим воздухом. На этот раз испытания увенчались успехом. Именно с помощью обновленной конструкции изобретатель королевства Даниэль поднялся в воздух и составил подробную карту государства, за что получил звание «мастера». А как звали прежнего, уже никто не помнит.

– Так вот, – продолжил Министр. – В селе никто не выходит в поля на работу – боятся старейшину. Тот носится по дворам с вилами, колет всех, кого видит. В общем, срывает посевную озимых, сукин сын. Я подробностей не знаю, об этом рассказала его старуха, которой чудом удалось сбежать и добраться до начальника гвардейцев. Я хотел, было, снарядить отряд, но ополченцев только-только, чтоб улицы патрулировать.

² «Любовь и пропеллер».

– Так что, мы можем совсем без урожая остаться? – почесал затылок шут, перекинув ногу на ногу, и посмотрел на короля. Тот, в свою очередь, приподнял одну бровь и исподлобья глянул на Министра.

– Так ить... – развел руками тот. – Что мне, самому туда скакать? А кто обороной города руководить будет?

– Какой обороной? Войны не предвидится, или мы чего-то не знаем?! – наиграно востепенулся шут и стал озиаться по сторонам. – У нас же с соседями, вроде как, пакт о ненападении подписан.

– Типун тебе на язык, убогий! Ты языком-то поменьше мети, еще беду накликаешь! – офицер трижды сплюнул через левое плечо. – Торговки базарные меньше тебя треплются, шут гороховый!

Последний вытащил из-под одежды игрушечный скипетр, потряс им над головой, заулюлюкал, высунув язык, и затряс ногами.

– Даром что дурак! – в сердцах отмахнулся Министр. – Тут без Советника не обойтись.

Вельможи вновь зашущукались, а один из них, в длинном белом парике, постарался затеряться в толпе, но его вытолкнули вперед. Поклонившись, мужчина встал рядом с офицером, расправил свой зеленый, шитый золотом кафтан и поправил пенсне.

– Ваше Величество, полностью согласен с Вами! – и поклонился еще раз, едва не словившись пополам.

Государь закатил глаза к потолку и на мгновение задержал взгляд на огромной многоярусной люстре, которую собрал Даниэль. Еще одно изобретение мастера, которое со дня на день должно заработать. Все заключалось в каком-то электричестве. Что это такое изобретатель не стал объяснять, сославшись на непонятные слова. Король не стал настаивать и попросту согласился, тем более что в том году пчелы куда-то подевались, и в государстве стало одной проблемой больше: снизилась добыча воска, из которого делали свечи для освещения замка.

Шут снова толкнул хозяина в бок.

– Ну да... – очнулся тот. – С чем согласен, любезный? – переспросил Августейший.

– С вами, – ответил Советник, совершая очередной поклон.

– А я разве что-то предложил? – король удивленно посмотрел на шута, и тот отрицательно замотал головой, от чего бубенцы на его шапке залиvistо зазвенели. – Так с чем же ты согласился тогда? Да... И что делать теперь?

Вельможи стали переглядываться, пожимать плечами и шептаться, делая вид, что весьма заинтересованы способами решения данной проблемы.

– Не шута же мне посылать?! – король выронил-таки державу, и она, пропрыгав по мраморным ступеням, покатила по полу, остановившись у ног Советника. Сам шут и ухом не повел, только ухмыльнулся и встал во весь рост.

– Ну, – Он упер руки в бока и осмотрел носки своих клоунских сапог с загнутыми носами, – если кроме меня других кандидатур нет, то я, так и быть, послужу отчизне.

Придворный балагур повернулся к хозяину и, приложив руку к груди, поклонился, метя колпаком пол.

– Быть по сему! – Государь поднялся с трона. – Отправляйся немедленно, по прибытии – доложить мне лично!

В это время снаружи раздался залп орудия, и витражи в окнах зазвенели и едва не осыпались. До этого мирно спящие собаки вскочили на лапы и залились лаем. Все присутствующие вздрогнули от неожиданности, хотя подобное происходит по десять раз на дню. Король положил на трон скипетр, принял из рук Советника державу, вытащил из-за пазухи какой-то свиток, развернул его и сверился с часами на стене.

– Так и есть, десять часов, – хмыкнул Августейший, а шут посмотрел на механизм на своей руке и согласно кивнул, поправив растрепавшуюся рыжую шевелюру. – Все свободны, а вас, моя драгоценная супруга, я попрошу остаться!

Придворные поклонились и, пятясь, как раки, покинули Тронную залу, оставив королевскую пару наедине.

Шут довольно вышагивал по улицам королевства, стирая подошвы своих потертых сапог о булыжник мостовой. Свой шутовской наряд он сменил на короткие сапоги, штаны, просторную рубаху и кожаную безрукавку, на которой сверкал королевский герб – знак того, что обладатель одного очень важная персона, приближенная к самому сюзерену. Горожане почтительно уступали ему дорогу и кланялись, будто он был самым королем, а не придворным хохмачом. Проходя мимо жилых домов и торговых лавок, молодой слуга государя насвистывал себе под нос какую-то незатейливую мелодию и кланялся горожанам в ответ, широко улыбаясь. Проходя мимо молодых девиц и женщин, шут не упускал возможности ущипнуть ту или иную красотку за зад или за грудь, а то и вовсе, шутя, тащил в подворотню. Те верезжали и норовили огреть хулигана всем, что попадет под руку: корзинкой, веником, свежестираным бельем, но тот ловко уворачивался и убежал, громко смеясь и улюлюкая.

Шут направлялся к центральным воротам, которые вели в город. Именно там находился штаб гарнизона, а, следовательно, и сам начальник гвардейцев, что охраняли территорию.

Зайдя по пути в бакалейную лавку, шут купил несколько сдобных булок и почти все отдал ватаге малолетних разбойников, что неотступно следовала за ним. Ребятня хором прокричала слова благодарности и умчалась, горлая на всю улицу. Оставшуюся булку королевский клоун скормил на дворцовой площади вечно голодным голубям. Сизые птицы ворковали, отнимая друг у друга раскрошенную сдобу. Постояв еще немного в тени гончарной лавки и дождавшись, пока стая насытится, шут сунул в рот два пальца и залиvisto свистнул. Птицы, громко хлопая крыльями, взвились в воздух и устремились к белым облакам, что плыли по голубому летнему небу. Прикрыв глаза от яркого солнечного света ладонью, рыжеволосый балагур улыбнулся и побрел дальше.

Порывы ветра раскачивали разнообразные вывески всевозможных лавок. Многие хозяева высыпали на улицу и теперь нежились на солнышке, сидя на табуретах, выставив ноги прямо на дорогу. Шут посмотрел на часы, хмыкнул и прибавил шагу. Уже через несколько минут он входил в каменное строение, расположенное по эту сторону крепостной стены.

Ставни были распахнуты настежь. На деревянных лежаках, стоящих вдоль стен, похрапывал сменившийся караул. За круглым столом сидел начальник караула и что-то записывал в книгу. Шут, как и подобает культурному человеку, постучался в приоткрытую дверь. Видимо, человек в форме не являл собой образец культурного человека, поэтому никак не отреагировал на стук. Тогда шут кашлянул в кулак и просто вошел внутрь. Только теперь офицер, одетый в тяжелую кирасу, с не менее тяжелым шлемом на голове, поднялся со стула и козырнул гостю.

– Приветствую самого пригеливи... привигели... Тьфу ты, пропасть! При-ви-ле-ги-ро-ванного дурака королевства! – по слогам произнес начальник стражи звание вошедшего.

– И тебе не хворать! – вполголоса, чтоб не разбудить солдат, ответил шут. – Где эта бабка, у которой муж спятил? Государь велел мне разобраться с ейной проблемой. Еще велено в охранение взять двух воинов, вот распоряжение Государя, с печатью и подписью, все, как положено, – и он помахал бумагой.

Офицер хмыкнул.

– Так она домой побрела. Чего ей тут сидеть, доложила и пошла назад. К завтраму, глядишь, доберется.

– Все понятно, – нахмурился шут, – Да ты садись, в ногах правды нет. Что же вы свидетеля-то отпустили? Протокол опроса хотя бы составили?

Бравый служака хотел уже опуститься на стул, но снова вытянулся в струну.

– Обижаете, ваше ничтожество! У меня все согласно уставу. Кто пришел, кто ушел, кто что видел и слышал. Мимо меня и муха не проскочит, и мышь не пролетит, в смысле, наоборот.

Придворный весельчак вздохнул.

– Значит так, я сейчас отлучусь, и вернусь... – Он посмотрел на наручный механизм. – Через половину часа... – шут заметил, как начальник стражи округлил глаза от непонимания. – Скоро, в общем. Сюда должен подойти еще королевский летописец – пусть ждет, и снарядите двух воинов. Все ясно?

Офицер ударил каблуками тяжелых сапог.

– Яснее некуда, ваше безродие!

– И смотри у меня! – погрозил пальцем рыжеволосый весельчак и вышел на улицу.

Начальник стражи облегченно вздохнул и опустился-таки на стул. Хорошо, что его застали за работой, а ведь он собирался соснуть часок-другой. Вот конфуз бы вышел! С шутком нужно держать ухо востро! Дурак да не простак! С королем на короткой ноге. Доложит – враз со службы вылетит, и прощай жалование, бесплатное обмундирование и казенное жильё. А солдат ничего другого не умеет, кроме как охранять покой королевства.

Офицер покончил с записями, захлопнул книгу и предался раздумьям о бренности бытия...

Стаптывать сапоги и ноги у шута не было никакого желания, да и путь неблизкий, поэтому он решил направиться в конюшню, чтобы взять телегу, запряженную кобылой. Он, конечно, мог бы потребовать и карету, да только ехать предстояло с парой стражников, вооруженных до зубов, и, скорее всего, с бабкой из Большой пахоты, которую они встретят по пути. Так что ни о какой карете и речи не могло быть. Да так он и лучше, на свежем-то воздухе. Вокруг птички поют, стрекозы жужжат. Запах опять же. Лепота!

Шут выбрал себе самую приличную лошадь, которая только имелась. Конюх сначала пробовал протестовать, пытаясь угрожать жалобой самому королю, но рыжий весельчак пообещал поставить ему бланш под второй глаз, в пару первому. Тот молча согласился, хоть и сильно рисковал. Ведь эта кобыла была любимицей самого государя, чего шут не мог не знать. Ее подарили Августейшему на первый День рождения. Хоть коняга и доживала последние дни, но была многим лучше остальных. К тому же Государь очень дорожил гнедой и питал особые чувства к этому мешку с костями.

Уже в начале двенадцатого, если верить механизму дворцового изобретателя Даниэля-мастера, шут, в сопровождении королевского летописца и двух солдат, колесил по грунтовой дороге, поднимая в воздух клубы пыли, оставив за спиной крепостную стену столицы Королевства срединных земель.

Телегу трясло на ухабах. Глупая лошадь то и дело пыталась уйти в поле, чтобы сорвать и сжевать какой-нибудь колокольчик или ромашку. Возницу она совершенно не хотела слушать, от чего шут ругался на чем свет стоит.

– Тупая скотина! Прямо ехай! – но гнедая только шевелила ушами и отгоняла хвостом надоедливых слепней. – Да что ты будешь делать?! Точно мяснику отдам, он из тебя фарш накрутит!

Кобыла словно поняла его слова, дернула телегу и убыстрилась. Стражники в телеге повалились на солому, звякнув доспехами и оружием. Шут улыбнулся и вновь замурлыкал какую-то мелодию. Мимо проплывали цветущие луга, на которых паслись коровы, козы и овцы. Вокруг

порхали бабочки, по небу проплывали облака. Весельчак откинулся на спину, оторвал соломинку и засунул ее в рот. Едва он прикрыл глаза, как телега остановилась.

– Какого лешего?! – приоткрыл один глаз шут, а солдаты схватились за алебарды.

Но на опасность не было и намека. Посреди дороги сидела старуха. Она громко причитала и яростно жестикулировала. Гвардейцы переглянулись.

– Ведьма, – прошептал один и крепче сжал древко оружия.

– Сам ты ведьма, – сказал другой, поправляя шлем. – Это та самая, у которой муж с ума сошел. Жена старейшины из Большой пахоты, что за лесом.

Шут сел, покачал головой и отдал распоряжение своим сопровождающим.

– Посадите старуху на телегу, не бросать же ее здесь. Она таким темпом до дома к первому снегу доковыляет.

Гвардейцы зычно заржали. Они спрыгнули на землю, прогремев доспехами, подхватили бабку и усадили на солому. Под ворохом сухой травы кто-то ойкнул. Все уже и думать забыли о королевском летописце, который мирно почивал на дне повозки. Он вылез наружу, кивком поприветствовал бабку и осмотрелся. Та глянула на сухого вида паренька в помятом бархатном берете, коим оказался слуга пера и бумаги, и наградила его проклятьем.

– Мы еще не приехали? – спросил тот.

– Нет, – ответил шут. – К вечеру будем, – и, не глядя, обратился к старухе. – Тебя как величать-то?

– Апполинария, милоч. А тебя?

– Милоч – самое оно, – стражники усмехнулись. – А что, мать, часто ли такая беда с твоим дедом случается?

Бабка открыла беззубый рот и призадумалась.

Летописец за это время порылся в соломе и извлек оттуда узелок с письменными принадлежностями, где хранилась чернильница и набор гусиных перьев, и огромную потрепанную книгу, в которую заносилось все, что случалось в королевстве, во всех мельчайших подробностях. Стоит заметить, что при нынешнем слуге королевской библиотеке это уже четвертый том, а сколько их пылится на полках – и не сосчитать! Паренек поправил берет, открыл книгу посередине и приготовился записывать очередную историю.

– Мать, очнись! – прикрикнул шут, понукая кобылу.

– Ась? – встрепенулась та, поправляя платок, из-под которого выбивались седые пряди. – Ну да... Не замечалось ним такого ранее. Он уже лет пятьдесят, как не больше, в старостах ходит. Всегда спокойным был, рассудительным. И плуг починит, и борону, если мастер в запой уйдет. Все у него при деле всегда ходили. И чего на него нашло? Не знаю. Выпил вчера, вроде как обычно, три чарки.

Шут присвистнул.

– Ничего себе, как обычно! Да у нас кузнец от такого замертво свалится!

– Ты, милоч, не сравнивай хрен с морковью, – усмехнулась бабка, а стражники прыснули в свои железные рукавицы. – Мой муженек от этого даже не захмелеет, а тут на тебе! Я грешу на то, что его отравить хотели!

– И кто же? – удивился шут.

– Знамо кто, мужики. Должность его занять хотят, а это, извини-подвинься, пятьдесят монет сверх того, что наторгуем. А, может, и гость давешний чего в кружку подсыпал... – Она призадумалась. – Мужик же у меня государственный человек!

– Ну да... – согласился весельчак, откинул ладонью рыжие кудри и вновь тряхнул вожжами.

Солнце стояло в зените, и начало греть с такой силой, словно кто-то забыл закрыть заслонку у печки. С бедных гвардейцев пот лил в три ручья, но на всеобщее спасение телега въехала в лес. Тут же налетела мошкара и комары. Шут, бабка и летописец отмахивались

от гнуса сорванными ветками орешника, а вот солдатам вновь не повезло. Треклятая мошка забралась под кирасы и шлемы и принялась кусаться. Стражники елозили по телеге, но советы снять доспехи игнорировали, ссылаясь на возможное нападение неожиданного врага. Так и ехали. Вдобавок ко всему прочему в животах у них начало урчать, а захватить в дорогу провизии вояки не удосужились. Хорошо себя чувствовали только привыкшая бабка и неприхотливый шут. Летописец, казалось, с головой ушел в свою книгу и не видел ничего вокруг. Он изредка спорил сам с собой, покусывал кончик пера и что-то писал на пожелтевших страницах. Королевский хохмач пытался определить, чем таким важным этот писака занят, заглянув через плечо, но тот буркнул что-то непонятное и пересел на дальний край телеги. Оставшийся путь до села Большая пахота проделали молча. Единственную фразу произнес один из гвардейцев, увидев изъеденный термитами указатель с названием населенного пункта.

– Наконец-то, уже все сварилось вкрутую!

Лесной массив остался позади, тогда как с фронта надвигались десятки покосившихся строений, обнесенных невысокими заборами.

– Мой дом самый последний, – крикнула старуха. – Туда гони!

– Как скажешь, мать. Держись крепче! – и шут стеганул кобылу веткой. Естественно, что та не попыталась перейти даже на рысь. Она повернула голову и, посмотрев взглядом «ты серьезно?!», продолжила лениво плестись по дороге, еле волоча копыта.

Солнечный диск продолжал плыть по небу, лавируя между редких перистых облаков. По пыльной обочине носились облезлые собаки и десятка два куриц.

– А где люди? – спросил летописец.

– По домам сидят. Деда моего бояться, – ответила старуха. Парень понимающе кивнул, поглубже натянул свой берет и придвинулся к гвардейцам.

Еще через минуту телега замерла напротив двора, где и жил виновник всех бед. На первый взгляд все было тихо и спокойно. Словно ничего и не произошло, за исключением бурых пятен на дороге.

– А это что? – указал на предмет своих наблюдений королевский писарь. Ответ бабки заставил его пойти пятнами и втянуть голову в плечи по самые уши.

– Так кровь, – спокойно ответила та, сползая на землю. – Говорю же, дед с вилами носился. Троиш запорол насмерть, двоих подранил шибко. Остальные успели схорониться.

Гвардейцы прыгнули с телеги, взяли алебарды наперевес и встали спина к спине. Заняли, что называется, оборону. Шут привязал поводья к забору и осмотрелся – нигде сумасшедшего старика не видно. Ставни наглухо закрыты, дверь тоже. Пожав плечами, он вошел через калитку во двор и направился к крыльцу.

– Я его в доме заперла, – крикнула Апполиария, прячась за кустами чертополоха на пару с писарем. – Я бы на твоём месте, милоч, не выпускала его, от греха подальше.

Шут потрепал свои вихры.

– Мне же надо во всем разобраться. Меня сюда для этого сам король направил. Дед твой, вроде как, теперь под следствием. Троиш ужокошил, стало быть – убийца.

В тоже мгновение в доме что-то гроыхнуло, раздался топот, и дверь содрогнулась под чьим-то натиском, но сдюжила, благо, что была подперта оглоблей. А через миг по двору разнеслась отборная брань. Со всех сторон к дому стали стягиваться селяне: уж коли этих пришлых не тронули, значит и им ничего не грозит, но близко все равно не подходили, наблюдали шагов с сорока.

Солнце начало медленно, но верно, клониться к горизонту, окрашивая небо в розовые и желтые цвета. Шут для пущей важности посмотрел на часы, сделав это так, чтобы жители Большой пахоты смогли оценить хитроумный механизм, но они не оценили.

– Итак, – королевский балагур обратился к гвардейцам. – Будьте наготове. Старика не кончать, а брать живым.

– Что мы, какого-то сморщенного старика не схомутаем?! – обиделись те.

– Да-да! – крикнула из чепыжей Апполинария. – Не убивайте деда. Он – государственный служащий! А вот второго можете.

– Какого второго?! – удивился шут.

– Того, с кем мой муж пил, ему первому черенком досталось. Сознание из него вон, и я этого охламона в сарай утащила. Там он связанный и валяется.

– Два дня? Как бы не окочурился. Странно, почему деда никак не отпустит... Ладно, потом разберемся. Приготовьтесь, выпускаю старика! – шут ногой выбил оглоблю и с ловкостью циркового гимнаста забрался на крышу, предоставив гвардейцам свободу действий. И тут...

Раскатом грома разлетелся по округе злобный рык, который можно сравнить только, разве что, с ревом раненого быка. Входная дверь слетела с петель и, перевернувшись в воздухе несколько раз, упала в соседнем огороде. Одним прыжком преодолев крыльцо, во двор выскочил так называемый старик, одетый в одни трусы ниже колен и сжимающий в руках вилы. Хотя назвать его дедом язык не поворачивался. Гора мышц, и это не смотря на возраст. Увидев своего противника, гвардейцы пожалели не только о том, что приехали сюда, а что вообще родились на свет! Выстоять против такого здоровяка у них нет ни единого шанса, куда там простым жителям. Не удивительно, что в эту самую секунду завизжали местные бабы и попрятались в своих домах, хлопая дверьми и ставнями.

– Прощай, брат, – прошептал один из солдат, сглотнув комок, застрявший в горле.

– Прощай, для меня было честью служить с тобой!

– Убью, черти! – взревел старейшина, помчавшись на живую преграду, и, спустя мгновение, врзался в гвардейцев.

Те не сдюжили и разлетелись в стороны, словно кегли. Шут, сидя на крыше, уже прочел отходную молитву, но не тут-то было! Солдаты вскочили на ноги и закружились вокруг брызгающего слюной деда, ловко отбивая алебардами удары вилами. Так продолжалось три минуты, шут засек по часам. Несколько раз бугай смог-таки достать бравых воинов: их кирасы основательно измялись, из неглубоких ран на лицах текла кровь. Сам бузотер тоже не остался невредимым: его вздутые мышцы окрасились красным. Он тяжело дышал, стоя на чуть согнутых ногах, и выбирал удобный момент для нападения, от его тела вверх поднимались струйки пара.

С высоты своего укрытия шут видел, что гвардейцы долго не выдержат, и решил им помочь. Достав из-за пазухи рогатку, рыжеволосый посланец короля прицелился и запустил в сумасшедшего старика один из камней, что всегда носил в кармане. Шут никогда не упускал возможность всадить кому-нибудь из придворных вельмож в мягкое место желудь или что-то покрупнее. Вот и пригодилось оружие!

Камень со свистом разрезал горячий воздух и врзался точно в седой затылок грозы села. Несколько секунд ничего не происходило, но потом старик закричал, пошатнулся, выронил вилы и со всего маху приложился физиономией о землю.

– Да! – заорали хором солдаты, отбросили в стороны алебарды и кинулись вязать деда по рукам и ногам, пока тот не пришел в себя.

Тут, откуда ни возьмись, появились абсолютно все жители деревни: от мала до велика. Даже собаки с курами. Вылезла из репейника и жена старейшины вместе с королевским летописцем, бледным, как сама смерть. Спустился с крыши и шут, и тут же приступил к своим обязанностям.

– Тащите сюда второго, он в сарае должен быть. Сейчас будем разбираться, кто виноват, – и пока гвардейцы ходили за предполагаемым отравителем, посланник короля присел на корточки возле мирно сопящего старейшины и приподнял ему веки. – С этим все ясно. Зрачки расширены. Его однозначно опоили, но вот чем? Смею предположить, что это дурь-трава. С белены эффект обратный.

Шут с умным видом потер подбородок и снова посмотрел на часы. На этот раз зеваки заинтересовались чудо-механизмом. Слуга государев поиграл еще немного на публику, а после продолжил то, зачем, собственно, сюда и прибыл. По его приказу найденного в сарае мужика обыскали и нашли при нем семена той самой дурь-травы. Да и, к слову сказать, одежда на нем не из дешевых. Качественная, больших денег стоит.

– Прав ты оказался, милоч. Выходит, не виноват мой дед! – обрадовалась Апполиария, похлопывая его по плечу.

– Ну, это как сказать... – шут выпрямился. – Три трупа как списать?

– Тоже мне проблема, – заголосили жители наперебой.

– Напиши, что волк задрал, и дело к стороне.

– Оставьте старосту в покое. Отлежится, придет в себя.

– У покойных родных нет, жили бобылями.

Шут покачал головой и подошел к летописцу, который усердно скрипел пером.

– Значит так, пиши, как они говорят. Зачем нам темные пятна на белом покрывале истории нашего государства? – писарь согласился, а дворцовый дурак направился к гвардейцам, что стояли у забора и осматривали свои раны. – Хвалю за службу!

– Рады стараться! – ударили те шпорами.

– Доложу о вашей храбрости государю. Завтра же. А теперь кидайте этого в телегу и поехали обратно. К ночи доберемся.

Взор бравых воинов тут же потускнел. Опять трястись в повозке, после такой битвы да еще на голодный желудок?! Это смерти подобно.

– Эй, мать! – крикнул шут Апполиарии. – Сообрази нам поесть в дорогу, да поживее, а то сейчас развяжем твоего благоверного...

Старуха не заставила себя долго ждать и уже через несколько минут вручила героям сегодняшнего дня целую корзину всякой снеди, не забыв сунуть гвардейцам по серебряной монете в награду за то, что не отправили ее старика к праотцам. Бабка пыталась еще их расцеловать напоследок, но те сумели отбиться.

– Как тебя все же звать? – спросила у рыжеволосого Апполиария.

– Шутом все кличут или дураком. Я не обижаюсь.

– Какой же ты дурак? – удивилась та. – Вроде умный, складный, на блаженного не похож. Странно... Ну да ладно. Прямой вам дороги, сынки.

– Шут... – прошептал парень. – Прохором, кажись, бабка кликала. Точно, так и есть.

Старуха помахала рукой, и к ней присоединилось все население Большой пахоты. Телега дернулась и покатила за гнедой кобылой, не успевшей до конца обглодать куст боярышника, возле которого была привязана. Солдаты за обе щеки уплетали провиант и вспоминали минувшее сражение, не стесняясь в выражениях. Королевский летописец наспех перекусил ломтем хлеба да куском сыра, снова зарылся в солому и забылся мертвецким сном. Шут не отказался от предложенной колбасы, запил ее молоком прямо из бутылки и завел непринужденную беседу.

– Буду ходатайствовать, чтобы вас направили в действующую армию. Такие солдаты нам нужны.

Гвардейцы аж подавились.

– А может не надо? Это мы с перепугу, а?

Шут незаметно улыбнулся.

– Ладно, уговорили, все возьму на себя. С писарем договорюсь. Вы сами смотрите не проболтайтесь!

– Да мы никогда! – клятвенно пообещали те и для убедительности провели большими пальцами по горлу.

Тут вернулось сознание пленнику, что трясся с краю телеги. Он открыл глаза и, увидев шута, заголосил:

– Ну, слава тебе...! Я уж думал...

Договорить он не успел. Прохор точным и сильным ударом вновь отправил преступника в забвенье.

Болтун – находка для шпиона! – сказал он и погрозил пальцем гвардейцам. Те понятливо кивнули и продолжили трапезу лишь под скрип тележных колес. Солнце уже начало задевать макушки деревьев, в пышных кронах зашумел бродяга-ветер, запели птицы. Дневная жара начала спадать. Кобыла перестала упрямяться и теперь мирно брела по дороге в сторону столицы Королевства Серединных Земель...

Глава вторая

Прохор проснулся с первыми петухами. Горделивые птицы перекрикивались между собой, словно стражники, совершающие ночью обход территорий: пароль – отзыв, пароль – отзыв. Шут потянулся, широко зевнул и почесал зад, поправив портки. Через открытое окно он увидел, как занималась заря. Оперевшись на подоконник, придворный болтун набрал в легкие воздуха и крикнул, что было мочи.

– Эге-ге-гей! – но город еще спал, только бродячие собаки ответили ему дружным лаем, да какой-то бедолага, что спал под стенами замка, аккуратно под окнами Прохора. – Доброе утро, народ мой!

– Да заткнешься ты когда-нибудь?! – рявкнул на него бродяга. – Дай поспать, окаянный.

– На том свете отоспишься! – усмехнулся дуралей и схватил со стола часы, едва не уронив кувшин с водой. – Ого! Пять часов!

Шут подошел к торчащей из стены трубе и, покрутив вентиль, нахмурился. Еще весной Даниэль-мастер выпросил у государя денег на ремонт водопровода в королевском дворце, но дело замерло и не спешило сдвигаться с мертвой точки. Вода по-прежнему не появилась, поэтому все мылись по старинке: кто в бочках, кто в тазиках. Министр неоднократно напоминал изобретателю о наказании за нецелевое использование государственных средств, но тот каждый раз клятвенно обещал, что все исправит на будущей неделе. Вообще, этот умелец был странным малым: в его голове роились сотни идей, словно у него не череп, а улей. Он брался за одно, а уже на следующий день мог забросить дело и взяться за новое, а то занимался сразу тремя. Имелось бы у него десять рук, в замке уже горело и обещанное непонятное электричество, которое вырабатывала водяная мельница, работал бы водопровод и подъемный механизм, который Даниэль обещал построить королю, чтобы тому не ходить пешком по крутым лестничным переходам.

Хмыкнув, Прохор умылся из кувшина, налив на полу больше воды, чем попало в таз, наспех перекусил тем, что он успел урвать ночью на кухне: холодным мясом цыпленка и парой картофелин. Смахнув крошки со стола, шут решил прогуляться по городу, пока есть такая возможность. Ведь скоро придется приступить к служебным обязанностям, а валянье дурака очень сильно утомляет. И физически, и морально, и как больше – еще неизвестно. Пройдя по бесконечным коридорам замка, освещенных где факелами, где масляными лампами, и преодолев тысячи каменных ступеней, Прохор покинул замок и побрел по пустынным улочкам столицы Серединных Земель, напевая одну из песенок музыкантов из таверны.

Сидел на озере рыбак,
в лодке с удочкой дремал
и потому не замечал,
как на воду лёг туман.
А потом увидел он
белый пар со всех сторон.
«Что мне делать, как мне быть?
Как узнать, куда мне плыть?
Как узнать, куда мне плыть?»

Посмотрел вперед, назад,
и поплыл он наугад.
Но коснулось дна весло —
берег рядом, повезло!

И рыбак пришел домой,
дверь толкнул своей рукой.
Видит в комнате жена,
словно статуя она,
и не смотрит на него она!
За окном застыла ночь,
неподвижна в люльке дочь,
над плитой часы стоят,
мухи в воздухе висят.
Сын стоит, разинув рот,
и в прыжке со стула замер кот.³

Едва шут закончил петь и ступил на городскую площадь, как убедился в обратном: улочки вовсе не тихие. Тут копошились десятки людей, во главе с изобретателем. Часть людей заканчивала возведение лесов у главной башни, часть навешивала толстенные канаты. Сам Даниэль, высокий блондин, стоял возле телеги, запряженной хромой кобылой, грыз ногти и раздавал указания. Его внешний вид представлял собой странное зрелище: штаны и куртка в заплатках, словно у него нет денег на новые, тут и там торчит металлическая стружка, какие-то измерительные приборы и прочие непонятные штуки. На левой руке такие же часы, с откидывающейся крышкой, что и у Прохора, в правой руке странная трубка, которую то и дело Даниэль прикладывал к глазу. Шут подошел к своему давнему знакомому и поприветствовал его.

– Что тебе не спится, мастер?

– Тебе, я смотрю, тоже сон не знаком? – кивнул тот. – А я вот часы вешать собираюсь. Посмотришь?

– Конечно! Мало того, я первым доложу об этом государю! Ты уж не подведи меня, да и себя, а то Главный министр давно на тебя точит зуб, а палач топор.

Даниэль закашлялся, трижды плюнул через левое плечо, после взял из телеги кулек, сделанный из тонко кованого железа, поднес ко рту и крикнул.

– Начинаем! Тяните! Одновременно!

Люди, что крепили канаты на самом верху башни, теперь стояли внизу и тянули их через блоки, срывая с ладоней кожу. Вдоль стены пополз большой часовой механизм, собранный мастером. Еще двое рабочих оттягивали часы веревками от стены, чтобы те не бились о кладку. Как только конструкцию подняли до нужной высоты, мастер крикнул:

– Все, держим! Закрепить! – одни рабочие прекратили подъем, тогда как другие, что находились наверху, спустились по дополнительным канатам к часам и стали крепить их к стене.

– Не упадут? – спросил шут, задрал голову.

– Не хотелось бы, – изобретатель потер гладковыбритый подбородок и поправил шляпу, с закрепленными на ней огромными очками. – Я всю ночь расчеты проводил.

– Я про людей.

– А... Их много.

– Когда вода в кране появится? – Прохор посмотрел на Даниэля. – Сколько можно в тазиках плескаться? Живу, вроде как, во дворце, а условия хуже тюремных. Заключенных хоть на озеро выводят.

– А тебе что мешает? – усмехнулся мастер.

Шут повел шеей, разминая затекшие от долгого смотрения вверх мышцы.

³ «Рыбак».

– Ты сейчас про что? Про тюрьму или озеро? За решетку я не собираюсь, а до воды идти долго. Пока возвращаешься, десять раз вспотеешь и пылью покроешься.

– Я тебе могу самокатную повозку собрать, – ответил на это изобретатель. – У меня даже чертеж есть, да мне уже не к чему. Я сейчас кое-что другое собираю. Увидишь – ахнешь! А эту, попроще, могу собрать хоть сегодня. Давай, я тебе по-быстрому ее нарисую.

– Я уж как-нибудь пешком, – попытался закрыть тему Прохор, но Даниэля было уже не остановить.

Он вытащил из сумки, висевшей на боку, книгу и открыл на чистом листе. Затем достал небольшую коробочку, извлек из нее тонкий черный цилиндр с палец длинной, и стал рисовать им в книге, чем очень удивил шута. Тот ничего подобного еще не видел. Только традиционное перо, ну и угольные головешки из костра.

– Смотри сюда, – Даниэль нарисовал два круга и стал соединять их между собой короткими линиями. – Это колеса, сажаем их на раму и готово. Сядишься, толкаешься ногами и едешь. Ну как?

– Ну, не знаю... – почесал затылок шут. – А по грязи как ездить? Все сапоги перепачкаешь.

– Хм... – теперь пришла очередь задуматься мастеру. – Тогда так: приделываем к первому колесу вот такие штуки, как воротки на колодцах, чтобы колесо ногами крутить, а сзади добавляем еще одно колесо, для устойчивости. Как-то так.

Даниэль быстро внес коррективы в рисунок и посмотрел на Прохора, который поразился скорости мышления изобретателя. Пока шут подбирал слова, чтобы отказаться от предложения и не обидеть мастера, рабочие закончили крепить часы и уже спустились вниз. Стрелки показывали половину седьмого утра. Прохору пора возвращаться во дворец. Он похлопал изобретателя по плечу.

– Ладно, побегу я. Мне еще переодеться надо... в любимый костюм.

– Давай, – конструктор даже не посмотрел на собеседника. Он целиком был поглощен созерцанием своего изобретения, которое теперь красовалось на самой высокой башне в городе. – Все-таки не зря я часы придумал. Вот сегодня, к примеру, на двенадцать часов назначена казнь. Очень удобно, посмотрел на них и знаешь, когда приходит.

– А кого казнят? – удивился Прохор. Он отсутствовал весь вчерашний день и не знал, что случилось.

– Конюха.

– О как... Я же его вчера только видел. Что он натворил? Неужто за то, что я вчера на королевской кобыле уехал?! – шут не на шутку распереживался. – Я отговорю хозяина, он отходчивый. Назначит ударов десять плетью и все.

Даниэль оторвал взгляд от часов и посмотрел на Прохора.

– Вот живешь в замке, а ничего не знаешь. Нельзя его помиловать. Ты его жену видел?

– Ну... – замялся шут, показывая руками воображаемую женскую грудь величиной с тыкву.

– Во-во! Конюх-то мужик не особо видный, вот и таскалась его баба к другим. Думала, тот не знает. Ан нет! Пронюхал он про это и знаешь, чего учудил? – Прохор помотал головой. – Третьего дня покрутил ее, как лошадь, на колбасу. Позвал всех любовников своей жены на ужин и скормил им ее. Представляешь?!

– Какая отвратительная история! – шута передернуло. – А как узнали-то про все это?

Даниэль вздохнул.

– Да сам пришел вечером в кабак, трезвым, и во всем признался. Сказал, совесть замучила. Его скрутили и в тюрьму отвели, предварительно хорошенько начистив рыло. Распух, поговаривают, от тумачков, еле в дверь прошел. Жалко бабу...

– Да уж... – потер подбородок Прохор. Кому как не ему знать гулящую натуру жены конюха. Он сам нет-нет да встречался с ней у реки в зарослях камыша под раскидистой ивой. Но об этом никто не знал, а если бы и вывели, то какой с безумца спрос? Он дурак, не соображает, что делает. Хорошо, что с конюхом в друзьях не ходил! – Ладно, пойду-ка я. Скоро король проснется.

– Давай, – махнул Даниэль, забираясь на повозку. – Мне еще трое часов повесить надо, а ты подумай на счет моего самоката. Тебе почти задаром сделаю.

Шут усмехнулся, сверил время своих часов с теми, что теперь имелись на площади, и быстрым шагом направился в сторону королевского замка.

Его Величество король Генрих проснулся в хорошем расположении духа. Он сладко потянулся до хруста костей, надел корону, что лежала на стуле, стоявшем возле огромной кровати, и скинул ноги на пол. Большой ворс иноземного ковра, купленный за огромные деньги в соседнем королевстве, приятно щекотал ступни, от чего царственная особа закатила глаза и заулыбалась.

Солнце уже поднялось над городом и теперь светило в окно государя, приятно припекая. Генрих встал и принялся мерить опочивальню шагами, насвистывая свою любимую песенку про изобретателя пропеллера. Посмотрев в окно, король подошел к умывальнику, повернул ручку крана и стоял так минуты две, ожидая, что, наконец-то, пойдет вода, но чуда не произошло.

– Он у меня дождется! – топнул ногой сюзерен и дернул за шнурок у кровати, вызывая слугу. Тот явился через мгновение, потирая заспанное лицо и поправляя помятую ливрею. – Готовь ванну, я умываться желаю. Буду через... Скоро спущусь.

Король не стал уточнять время, ибо придворные слуги были туговаты в науках, и объяснять им, что такое минуты, только трепать себе нервы, тем более, что и сам толком не разобрался.

– Какие масла лить, сир? – поинтересовался старик.

– Да ну к лешему! – отмахнулся Генрих. – У меня после них аллергия и прыщи на... Где не надо. Иди уже! И передай королеве, чтобы к восьми часам соизволила явиться к завтраку, и шута моего предупреди, если тот вернулся, а то я скучать начал без него.

Старик, не смотря на почтенный возраст, помчался выполнять поручения, и уже через полчаса король принимал ванну, под которой теплилось пламя небольшого костра, что подогревал воду. Молодые служанки поливали сюзерена душистыми травяными настоями, безвредными для дряблого организма и терли конопляными мочалками. Сюзерен похрюкивал от удовольствия и краем глаза посматривал на свою супругу, которая нежилась в ванной напротив.

Стоит заметить, что королева была моложе своего венценосного спутника жизни ровно втрое. Этот факт породил множество слухов, которые Генрих тут же пресекал. Тело главной леди растирали молодые мускулистые слуги-мужчины, что заставляло Генриха недовольно хмуриться время от времени.

– Изольда, – сюзерен сплюнул попавшую в рот мыльную воду, – вам передали, что я жду вас к завтраку ровно в восемь?

– Передали, Ваше Величество... – томно ответила та и тяжело вздохнула.

– Почему вы не явились ночью в мои покои? Где вы были? – король дал знак слугам, и те стали дуть в длинные тонкие трубки, заставляя воду пузыриться.

Первая Дама государства вылезла из ванной, и пенные струи потекли с ее упругого тела на мраморный пол. Она шелкнула пальцами, и ее тут же укутали в большое полотенце.

– Потому как я зачиталась у себя в покоях и заснула.

– Да? – Генрих тоже закончил водные процедуры. – Но я слышал через стену какие-то стоны!

– Видимо кошмар приснился, – спокойно ответила Изольда.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы не читала на ночь всякие пасквили! – покачал головой сюзерен. – Кто-нибудь скажет мне, приехал мой шут или нет?!

– Да приехал он... – Королева вздохнула и в сопровождении слуг покинула ванную комнату, оставив драгоценного супруга во власти милостивых дев. – Я буду в обеденной зале к восьми и будь так добр, давай, поедем в тишине, без этих твоих песнопений, – Она послала воздушный поцелуй и скрылась из виду за тяжелыми дверями.

Изольда не любила придворных музыкантов. Нет, не за их песни, которые ей тоже не очень-то и нравились, а из-за внешнего вида. Те больше походили на лесных разбойников, нежели на королевских служак. Но, с другой стороны, они же работали в замке за кров и еду, которыми платил король за их выступления. Где взять денег на хорошую одежду? В остальное время артисты работали в таверне «Три поросенка», где развлекали публику своими песнями. Там им перепали гроши, которые тратились на новые инструменты и леший знает на что еще. Каждое утро музыканты играли в Обеденной зале, пока Государь вкушал пищу, и королева всегда смиренно терпела их присутствие. Генрих загрустил и задумчиво произнес:

– По всей видимости, трапеза обещает быть скучной. Главное, продержаться до обеда, там казнь. Хоть какое-то разнообразие, – Король закутался в халат и отправился в свои покои готовиться к завтраку.

Как и предполагал король, без музыкантов пища не жевалась и не глоталась. На другом конце длинного стола королева вкушала утиные яйца, фаршированные креветками, явно наслаждаясь едой и царящей тишиной. А вот сюзерену, наоборот, кусок не лез в горло. Слуги стояли в стороне от своих хозяев и глотали слюни, глядя на уставленный яствами стол. Неожиданно петли массивных позолоченных створ скрипнули, и в обеденную залу вошел любимый шут короля. Он гордо вышагивал по мраморному полу, звеня бубенцами на своем колпаке.

– Ну наконец-то! – всплеснул руками сюзерен.

Прохор подошел к хозяину.

– Ваше Величество... – и низко поклонился. Затем кивнул государыне. – Ваше Высочество...

– Ну, рассказывай, как обстоят дела с этим сумасшедшим стариком в той деревне.

Королева нарочито громко брякнула вилкой о тарелку, чтобы на нее обратили внимание.

– Самое время для таких разговоров! Ничего, что я ем?! Повременить нельзя?

– Дорогая, просто не слушай, – ответил король и протянул шуту кубок с вином. – Не томи.

Тот залпом выпил терпкий хмельной напиток, поставил посуду и сел на стул рядом с государем.

– Ой, Онри... – махнул рукой придворный болтун. – Это что-то с чем-то! Театр и ханцузы! Разобрался я со стариком. Хорошо, что взял с собой солдат, а то бы несдобровать мне было. Им, правда, досталось хорошенько, но я все уладил. Твой летописец все занес в книгу хроник, но вкратце скажу – история достойна песни, честное слово!

К королю тут же вернулся аппетит, и величество впился зубами в запеченную с яблоками утку, обильно запивая ее вином. Прохор то и дело прикладывался то к тарелке с виноградной гроздью, то к блюду с клубникой, украдкой поглядывая на королеву, которая делала вид, что разговор ее абсолютно не интересует.

– Значит, загибай, так сказать, пальцы, – король вытер руки о скатерть. – Беги к Главному Министру и скажи ему, что собрание с девяти часов переносится на после обеда, это раз. Два, чтобы в двенадцать часов не забыл собрать на площади всех жителей города: во-первых, нужно

наказать конюха, а во-вторых, надо достойно наградить тебя за службу. И пусть велит музыкантам сложить в честь твоего подвига песнь, которую им надлежит исполнить на площади сегодня же! Вроде ничего не забыл.

Прохор встал из-за стола, дурашливо поклонился, взял яблоко, подбросил его и, поймав, сунул в сумку, которая висела у него на поясе.

– Будет исполнено, сир. Разрешите идти?

– Иди, иди, – отмахнулся Генрих.

Шут помахал пальцами королеве и, прыгая из стороны в сторону и подволакивая то одну, то другую ногу, удалился из обеденной залы. Супруга государя недовольно бросила на стол салфетку и откинулась на спинку стула, поправляя свое нежно голубое бархатное платье.

– Каков наглец! Подумать только, ведет себя со мной, как с уличной девкой! Что это такое?! – и она повторила движение пальцами. – Словно я его любовница! Фу! Накажи его, дорогой!

Король вздохнул.

– Дурак, чего с него взять?! Пойдем, моя ненаглядная, надо подготовиться к выходу в народ.

Слуги помогли выбраться королевской чете из-за стола и сопроводили каждого из них в свои покои.

Площадь напоминала собой муравейник. Едва глашатаи прокричал, что приближается время казни, простой люд стал тут же стекаться к сцене, стоящей посреди дворцовой площади, забросив свои дела. Именно здесь проводили все экзекуции, и тут выступали заезжие актеры, бродячие циркачи и прочий сброд, веселящий публику. Солнце стояло в зените, а по синему небу проплывали редкие облачка, да проносились голуби и вороны.

Часы на Главной башне дворца показывали одиннадцать часов и сорок пять минут. Где-то в глубине площади раздался звук трубы, и толпа стала расступаться – это вели виновника «торжества», конюха. Двое солдат, облаченных в доспехи, вели его под руки, ибо тот еле мог передвигаться самостоятельно. Мужики в таверне отделили его от души. В синюшном мужике трудно признать королевского конюха – там, где когда-то было лицо, теперь находился один огромный синяк. Горожане заранее запаслись тухлыми помидорами и яйцами, которые теперь летели в преступника, но ровно половина уже не съестных припасов попадала в стражников, разлетаясь мелкими брызгами, ударяясь в шлемы и кирасы. Кто-то развернул над головой транспарант с надписью «Конюх сволочь!». Мужики норовили дать арестованному зуботычину или пнуть побольнее. Многие кричали ему вслед оскорбительные слова.

– Какую бабу извел, собака!

– Ослина тупоголовая, мог бы со мной женами поменяться! Моей сто лет в обед, ее не жалко!

– Ни себе, ни людям! Скотина!

– Остолоп!

Процессия двигалась к помосту, временно ставшим эшафотом, очень медленно. Гвардейцы даже начали переживать, что конюх загнется раньше, чем поздоровается с палачом, что скучал, оперевшись на свой огромный топор и поставив одну ногу на колоду, возле которой стояла корзина. Свое лицо здоровяк скрывал под глубоким красным капюшоном с прорезями для глаз, но по его взгляду было понятно, что работой он не очень-то и доволен.

Никто не хотел быть палачом – это самая отвратительная, хоть и хорошо оплачиваемая, работа на свете. Никто с тобой не здоровается, и жить приходится за стенами города. Люди от тебя шарахаются, как от прокаженного, в таверне приходится сидеть за отдельным столом. Не жизнь, а помойная яма. Именно поэтому человек и скрывал свое лицо. Поди знай, кто он

такой! А так, завернул за угол, скинул окровавленную одежду и живи дальше полноценной жизнью.

Вот арестованный в сопровождении гвардейцев поднялся по лестнице на эшафот, а с другой стороны появился Главный глашатай, в обязанности которого входило зачитывать все указы государя и приговоры суда. Поправив потертую кожаную куртку и закрутив усы, служака развернул свиток и громко прокричал.

– Жители столицы! – Он выдержал паузу и, когда площадь накрыла тишина, продолжил. – Сегодня у нас два события, и начнем мы с плохого. Наш самый гуманный и справедливый суд вынес свое решение по делу номер десять. Обвиняемого в предумышленном убийстве, последующем глумлении над убиенным и хулиганских действиях в отношении граждан, а так же в людоедстве, признать королевского конюха Бланше виновным! Для тех, кто еще не в курсе, сообщая: он уличил свою жену в супружеской неверности, сварил из нее рагу и накормил им ее любовников. Короче: конюха приговорили к отсечению головы, посредством топора. Палач, можешь приступать.

Глашатай свернул бумагу, засунул ее за пазуху и отошел в сторону. Гвардейцы подтащили упирающегося конюха к колоде и опустили на колени.

– Не дергайся! – прорычал палач, и от его голоса бедолагу словно парализовало. Он прекратил трепыхаться и замолк. – Будь пайнькой, и я все сделаю быстро и не больно, ты даже ничего почувствовать не успеешь.

Здоровяк провел по лезвию топора большим пальцем, и над площадью пролетел металлический звон. Затем он плюнул на ладони, обхватил топорище своими могучими ладонями, размахнулся и... Раздался шмякающий звук, голова конюха свалилась в корзину, а на доски хлынули струи крови. Палач завернул обезглавленное тело в огромный отрез плотной ткани, взвалил на плечо и, подхватив корзину, сошел с эшафота. Толпа расступилась, пропуская душегуба, и вновь сомкнулась за его спиной.

Бирича передернуло, когда его взгляд упал на багровую лужу. Он поднял руки вверх, призывая толпу к тишине, которая наступила минуты через две, едва палач покинул площадь, вновь достал свиток и провозгласил.

– Жители столицы Королевства Серединных Земель! Встречайте, Его Величество король Генрих и его супруга, Ее Высочество королева Изольда!

Народ заулюлюкал и стал подбрасывать вверх шапки. На балкон Главной дворцовой башни, который находился аккуратно над часами, ступили королевские особы, рассылая своим подданным воздушные поцелуи. Естественно, верный Прохор находился подле хозяина. Ликование продолжалось минут пять. Затем король жестом попросил тишины, и глашатай продолжил.

– Жители столицы! Не далее, как вчера, в селе Большая пахота случилась чудовищная история: тамошний старейшина сошел с ума. Для решения этой проблемы наш Государь, да продлятся его дни вечно, отрядил своего верного шута, который вернулся с победой. С повеления Короля, – бирич снова поклонился сюзерену, – сегодня мы чествуем нашего шута и объявляем выходной день!

После этих слов вверх опять взлетели шапки, и толпа взорвалась криками «Ура!» и «Хвала Генриху!». На сцену поднялись придворные музыканты, одетые, как последние бродяги, разобрали инструменты и стали ждать отмашки к началу своего выступления.

– Итак, – глашатай убрал свиток и продолжил уже своими словами, пытаясь перекричать толпу. – Сейчас наши любимые артисты исполнят свою песню, чтобы вы смогли сами почувствовать, что пришлось пережить нашему герою в схватке с безумцем. Начинайте.

Тишина окутала площадь, а воздух задрожал от напряжения. Зазвучали тревожные нотки скрипки, потом вступили мандолины и тамбурины с литаврой. Певцы закружили по сцене и запели зловещими голосами.

Паника в селе – дед взбесился.
Вилами колет всех, кого видит.
Шум, гам, воют собаки,
бегают люди, хлопают ставни,
бабы визжат.

Беда! Паника в селе!
С ума спятил дед!
В одних он трусах,
И ужас в его глазах!

Тут некоторые горожане побледнели от страха и стали икать. Кое-где даже завопили дети. Мамаши стояли, как вкопанные, и боялись пошевелиться. Особо впечатлительные упали в обморок. Казалось, что все происходит не в песне, а прямо тут, на дворцовой площади! Кое-кто даже стал озираться, вдруг безумный староста появится в толпе.

Старуху его отыскали,
она от страха вся побледнела:
– Дед, мол, черта увидел.
Тот ему, сволочь, мозги запудрил —
мол, нынче помрешь!

Беда! Паника в селе!
С ума спятил дед!
В одних он трусах,
И ужас в его глазах!

Бедного старика черт попутал.
Такого ему наговорил!
Много ли старому дураку надо,
Чтоб рассудок потерять?!

К тому же он бьёт, как бык!
К тому же он бьёт, как бык!
К тому же он бьёт, как бык!⁴

Едва стих последний аккорд, толпа взревела, восхваляя музыкантов за песню, а шута за подвиг. Люди чуть ли не на сцену лезли, чтобы поблагодарить артистов за выступление. Не каждый день дают представление, а послушать балаган в таверне удастся не многим. Места хватает не всем. Вновь возник глашатай.

– Всем спасибо, все свободны! Гуляй честной народ, но не забывайте: делу время, потехе час! Завтра снова на работу! Хвала королю Генриху!

– Хвала! Хвала! – подхватили люди и стали разбредаться, кто куда. Площадь опустела в считанные минуты.

⁴ «Паника в селе».

Тем временем на балконе Главной башни король с супругой сидели, округлив глаза и вцепившись в подлокотники позолоченных кресел. Прохор нарочито громко откашлялся в кулак, привлекая их внимание.

– Государь, с тобой все в порядке?

Король сглотнул, а королева наконец-таки начала дышать.

– Ужас какой! – выдохнул сюзерен. – Ну и нагнали эти певуны на меня жути! Неужто на самом деле все так и происходило? – шут кивнул. – Кошмар! Не знаю, будь я на твоём месте, наверное, умер бы от страха!

– Ну, умереть бы не умер, а портки бы испачкал, – усмехнулся Прохор.

Королева аж воздухом подавилась от этих слов.

– Фи, что за моветон?! Тут, вообще-то, дама!

Шут низко поклонился, и бубенцы на его колпаке зазвенели.

– Прошу прощения, Ваше Высочество. Дурак, манерам не обучен...

– Хватит вам уже лаяться, как собаки, ей-ей! – остановил словесную перепалку король. –

А что случилось со стариком, чего он взбесился?

– Да опоил его проныра один. Но не беспокойся, виновник наказан по всей строгости.

Сидит в подземелье под моим личным наблюдением, – Прохор отвесил поклон.

Генрих почесал живот, что выглядывал из-под королевских одеяний.

– Ну и ладненько. Пора обедать. Я со страху проголодался. Пойдем, дорогая, – сюзерен помог своей драгоценной супруге подняться и покинуть смотровой балкон. Прохор за спиной правителей скорчил обоим ржи и поплелся следом...

Как всегда, после обеда, в Тронной зале состоялось каждодневное совещание титулованных особ Королевства Серединных Земель.

Первая леди со своей свитой стояла на своем излюбленном месте, возле окна, и вела непринужденную беседу. Фрейлины в пышных платьях перешептывались, поглядывали на мужчин, и хихикали, прикрываясь веерами. Франты же то подмигивали дамам, то поднимали брови и еле заметно помахивали пальцами. Так они и обменивались знаками внимания, пока входящие в высший совет власти решали судьбу королевства.

Главный Министр, как всегда затянутый ремнями форменного мундира, стоял перед государем, что по обыкновению своему восседал на большом позолоченном троне и разглядывал лепнину на потолке. Преданный шут развалился у ног хозяина, на ступеньке под королевским седалищем, и чесал за ухом у одной из громадных черных псин.

– На границе все спокойно! – отрапортовал Генерал. – Налоги собираются исправно, урожай зреет.

– Это, конечно, замечательно, – Генрих убрал за спину державу и скипетр. – Ты мне скажи вот чего: почему мне на завтрак не подали чернику с молоком, а на обед к картофельным котлетам грибную подливу?

Министр вновь стянул с головы треуголку, промокнул батистовым платком лоб и прокашлялся.

– Так ить, – и он стал мять головной убор.

Шут оторвался от своего занятия и подозрительно посмотрел на бравого офицера.

– Что, в лесах закончились ягоды и грибы? Сдается мне, Генрих, – Прохор посмотрел на короля, – творится что-то неладное.

Сюзерен кивнул в знак согласия и щелкнул пальцами по бубенчику на колпаке придворного дурака. Легкий звон разлетелся по Зале, привлекая всеобщее внимание.

– Говорите, Министр, мы все слушаем, – король откинулся на спинку трона и с трудом закинул ногу на ногу, запутавшись в горностаевой мантии.

– Я не знаю подробностей... – начал Генерал, но его тут же перебил шут.

– А вот даже не удивительно. Однако продолжайте, любезный.

– Хм, – офицер одернул мундир. – Лесная снедь отсутствует по причине отсутствия королевского сборщика ягод. Он куда-то подевался несколько дней назад. А грибы... Пропал королевский сборщик грибов. Уже неделю его никто не видел. Кстати, пасечник тоже исчез. Странно все это как-то...

– Да уж конечно! – воскликнул Прохор. – Подданные пропадают, а у тебя все спокойно! Генрих, ты никогда не думал соорудить в темнице камеру для очень важных персон? У меня есть одна кандидатура, чтоб ее там поселить.

– Действительно, – хмыкнул Король, и Министр пошел пятнами. – Люди пропадают, а ты и ухом не ведешь. Скоро в королевстве народу не останется. Сам прислуживать будешь? Где мой Советник?!

Вновь придворные вытолкнули в центр зала мужчину в зеленом камзоле и в длинном белом парике. Тот встал рядом с Генералом и поклонился Государю.

– Ну, что скажите? – спросил его сюзерен.

– Полностью согласен с вами, Ваше Величество, – и вновь согнулся до пола.

Король покачал головой. Отодвинув в сторону шута, он встал и не спеша подошел к Советнику и Генералу, сделал несколько кругов вокруг них, внимательно осмотрел и встал напротив.

– С чем ты постоянно соглашаешься? – спросил Генрих, склонив голову на бок, придерживая рукой корону, чтобы та не свалилась.

– С вами, Ваше Величество, – сглотнул Советник.

– Так я же ничего сказать не успеваю. Это я должен соглашаться или нет с тобою, а не наоборот. Прав дурак: надо вас в темнице подержать денек-другой, для просветления, а то и вовсе на галеры отправить, камень мраморный добывать. Другой советник мне нужен. От моего шута и то толку больше...

Последний перестал чесать собаку за ухом и с удивлением посмотрел на своего хозяина.

– Я согласен, думаю, справлюсь. Не велик труд: соглашайся со всем и головой кивай.

Придворные вновь стали шептаться между собой, качать сокрушенно головами. Дамы от волнения сильнее замахали веерами. Советник встрепетулся.

– Помилуй, Государь! Зачем сразу на галеры?! Я работаю над этим вопросом, ум напрягаю. Сейчас! Вот уже... Надо назначить кого-нибудь, чтобы он разобрался с этим!

– Да вы сама очевидность! – воскликнул Прохор и поднялся с насиженного места, звякнув бубенцами на одежде. – Генрих, зря ты их держишь.

Шут прошел вдоль ряда придворных, всматриваясь им в глаза. На секунду задержался возле королевы, отвесив ей клоунский поклон, и вернулся к трону. Тем временем Генерал осмелел.

– Если ты такой умный, сам и разберись с пропажей верноподданных короля! Посмотрим, как это у тебя получится.

– Да и пожалуйста!

– Решено! – Генрих вернулся на свое место, согнал Прохора, который уселся на трон, и, взяв в руки скипетр и державу, огласил. – Повелеваю: моему шуту выяснить, куда подевались королевские сборщики ягод и грибов. По выполнению доложить. Давайте сюда бумагу, я подпишу.

К трону подбежал королевский летописец, что прятался в толпе. Он в знак приветствия кивнул Прохору и протянул сюзерену Книгу указов. Генрих схватил перо, макнул его в чернильницу и размашисто поставил непонятную закорючку.

– Передайте глашатаю, пусть объявит во всеуслышание! На сегодня все, пошли вон.

Раздался всеобщий вздох облегчения, и придворные в мгновение ока покинули Тронную залу, словно тараканы, застигнутые врасплох светом масляной лампы. Королева задержалась и подошла к своему величественному супругу, нарочито наступив шуту на ногу. Тот сжал губы и притворно улыбнулся.

– Ты, как всегда, справедлив, Генрих, – Изольда присела на позолоченный подлокотник. – Тебе следует быть построже, – Она щелкнула супруга по носу.

Тот несколько смутился.

– Не заговаривайте мне зубы, драгоценная моя. Не хотел поднимать этот вопрос утром, но сейчас спрошу: почему вы вновь не пришли ночью в мои покои?

Королева соскользнула на пол и сделала несколько шагов вглубь залы, рассматривая картины, украшающие стены.

– Зачиталась и задремала, не уж-то ты не можешь заснуть без моего присутствия?! – Она покосилась на мужа.

– Хм, – Генрих поспешил к супруге. – Могу, но просыпаюсь ночью, слыша, как ты стоишь за стенкой от ночных кошмаров.

Проход украдкой улыбнулся и покачал головой. Изольда остановилась и повернулась к мужу.

– Я не хочу обсуждать наши взаимоотношения, тем более такие подробности в присутствии этого... – Она махнула рукой в сторону шута. – И вообще, я приду, когда сочту нужным. Возможно, на будущей неделе. У меня мигрень, длительная. Королевский врач сказал, что возможно это на всю жизнь.

Проход вновь усмехнулся, но на этот раз слишком уж громко, чем заслужил гневный взгляд королевы. Шут поднялся, отряхнул одежду и обратился к хозяину.

– С твоего позволения я пойду. Надо подготовиться к выполнению твоего указа.

– Иди, – Генрих махнул рукой. – Когда закончишь, сразу ко мне. Я же со скуки умру один. И перед отбытием зайти ко мне, расскажешь одну из своих историй перед сном.

Проход поклонился сначала королю, потом его супруге и вприпрыжку, гремя бубенцами, покинул Тронную залу. А в это время над городом уже разлетался крик глашатая, объявляющего королевский указ.

Собираться долго Проход не стал, тем более что и собирать-то ему особо было нечего. Как говорится в народе: нищему собираться – только подпоясаться. Он только переоделся, перебрросил через плечо торбу и решил первым делом посетить кухню и родственников пропавших, благо те жили в городе, недалеко от замка.

Королевские повара не сообщили ничего полезного. Жены исчезнувших в один голос заявили, что те покинули дом и ушли в лес, дабы собрать снедь для государевой кухни. Дети королевских сборщиков грибов и ягод дергали шута за куртку и умоляли найти именно их папку. Проход насилу отбил от них и понял, что остается только одно, а именно – отправиться на поиски пропавших в лес. Но сначала он решил заглянуть в таверну, дабы насладиться ароматным жаркое, глотнуть вина, послушать сплетни, которые могут оказаться полезными, ну и, конечно же, насладиться творением музыкантов.

Едва рыжеволосый слуга короля зашел харчевню, как на него тут же обратили свое внимание посетители.

– Смотри, кто пришел! – воскликнул толстый трактирщик

– Входи, входи, герой! – крикнул беззубый старик, поднимая кружку и расплескивая пиво.

– Спаситель пожаловал! – смеялся кузнец.

Прохора стали хлопать по спине, и каждый старался усадить его за свой стол, но шут целенаправленно шел к своему любимому месту возле небольшого помоста, на котором выступали музыканты. Едва таверна набилась до отказа, а подручные девы трактирщика разнесли заказы, появились и сами артисты. Для начала они сыграли парочку незатейливых мелодий, под звук которых девки с молодежавыми парнями пустились в пляс. Громила Гаспар даже перевернул один из столов, пока отчебучивал пого. Затем музыканты спели несколько старых песенок, заслужив одобрительные аплодисменты подвыпившей публики и горсть монет, что та кидала в шапку. А когда время перевалило за полночь, о чем возвестил бой часов на башне, артисты решили исполнить свой последний на сегодня номер. Музыканты о чем-то пошептались между собой, и один из певцов, тот, что всегда ходил с взъерошенными волосами, объявил.

– Сейчас мы споем вам о нашем друге, который от большой любви потерял голову! Он был славным малым, хоть и со странностями.

Певец выпучил глаза, оскалился в устрашающей улыбке и под звуки мандолин и скрипки запел хриплым голосом.

За столом сидели мужики и ели,
мясом конюх угощал своих гостей.
Все расхваливали ужин, и хозяин весел был,
о жене своей всё время говорил.

Ели мясо мужики, пивом запивали.
О чём конюх говорил, они не понимали.

– Я узнал недавно, все вы, как ни странно», —
конюх хриплым голосом проговорил. —
С моей бабою встречались втайне от меня,
и поэтому всех вас собрал сегодня я!

Ели мясо мужики, пивом запивали.
О чём конюх говорил, они не понимали.

Я за ней не уследил!
В том моя вина!
Но скажите,
Правда, вкусная она?

Ели мясо мужики, пивом запивали.
О чём конюх говорил, они не понимали.⁵

С чего началась драка – никто уже не сможет сказать, но она началась. Видимо, кто-то посмеялся над бедолагами, которым довелось отведать стряпни обезглавленного днем конюха, а может на то имелись другие причины. Так или иначе, таверна заходила ходуном. В разные стороны полетели посуда, лавки и некоторые посетители заведения. Громила Гаспар вышибал дух из драчунов, которые пытались на него напасть. Даже Прохор окунулся в бузу, раздавая зуботычины налево и направо, ловко уворачиваясь от ударов. Девки громко визжали, а трактирщик, в уме подсчитывая ущерб, схватился за голову. И лишь музыканты закатились смехом и продолжили играть заводную мелодию.

⁵ «Ели мясо мужики».

Драка продолжалась до тех пор, пока кто-то не выбрался на улицу и не привел гвардейцев. Те с трудом разняли дерущихся, а некоторых даже арестовали. Солдаты никого не отпустили по домам, пока посетители не скинулись и не оплатили ущерб, причиненный трактиру. Стоит отметить, что хозяин заведения значительно преувеличил сумму, но разбираться с ним ни у кого не было желания. Все хотели поскорее попасть домой, где их ждали кого жены, кого мужа, ну и теплая кровать...

Глава третья⁶

Прохор проснулся с ужасной болью, голова буквально разрывалась на части. Хотя, проснулся – слишком сильно сказано, скорее, пришел в себя. Не открывая глаз, он ощупал себя и сделал вывод, что все-таки добрался до дома, ибо абсолютно гол и ему тепло. Он, конечно, мог быть ограбленным до нитки и брошенным в какой-нибудь подворотне в куче грязного тряпья, но в это верить не хотелось. Перебрал он вчера с придворными музыкантами хмельного вина. Гвардейцы их не тронули и не посадили в темницу: артистов из уважения к искусству, шута – из-за социального положения. А попросту – испугались гнева короля. Прохор потянулся до хруста костей и сладко зевнул.

– Ну и горазд ты дрыхнуть! – неожиданно прозвучал нежный женский голос, заставивший обладателя рыжих кудрей вскочить на ноги.

Шут начал судорожно рыскать по комнате в поисках своих вещей, но не преуспел. Комната вроде как знакомая, а в то же время и чужая. Тут он раньше никогда не бывал, а, может, и забредал, разве сейчас вспомнишь?! В голове стучат молоточки опасности.

«Куда меня нелегкая занесла?! – подумал Прохор, прикрываясь простыней и готовясь к худшему. – Сейчас выползет какая-нибудь каракатица, толстуха страшная... Позору не оберешься. Люди засмеют, если узнают! А король вообще со свету сживет своими ежедневными шуточками, проходили уже. И как меня угораздило? Не иначе, нарочно споили».

Кто-то находился за ширмой, делящей комнату пополам.

Шут выглянул окно: вокруг жилые дома и торговые лавки. Хорошо хоть до дворца недалеко, вон виднеется башня с часами. Тут Прохор обратил внимание на свои, что лежали на столе. Он схватил механизм и застегнул ремешок на запястье. Простынь упала на пол, и в этот момент раздались шаги. Рыжеволосый гуляка замер в оцепенении. За спиной раздавалось чье-то дыхание.

«Может, в окно выпрыгнуть? А если это ее муж? А у него карамультук заряженный... Да и куда без порток-то? Вот я попал в историю!»

– Завтрак готов, мой шалун.

У Прохора отлегло от сердца. Он облегченно вздохнул. Не муж, уже хорошо, но поворачиваться все равно боялся. Мало ли что, хоть голос и показался шуту знакомым. Он стал перебирать в уме всех знакомых дам. Не помогло, да и запутался. Некоторых посчитал дважды, кого-то вовсе не вспомнил.

«Была не была! – мысленно махнул рукой шут и повернулся».

– Тьфу ты! – сорвалось с его губ, и он опустился на кровать, схватившись левой рукой в области сердца. – Я чуть не помер со страху!

– Не думала, что ты кого-то боишься! – улыбнулась черноволосая Кристина, одетая в простое платье, в каких хаживали все женщины среднего достатка.

– Я думал, что меня, хмельного, к себе какая-нибудь старушенция затащила, или красотка, чей муж с ружьем ждет отмщения.

– Всего я не старуха, – надула она губы, – а что касается моего благоверного, то он сгинул уже как дней десять. Ни слуху, ни духу.

Кристина была женой сборщика трав, что находился в услужении у королевского лекаря. Министр промолчал о его пропаже либо сознательно, чтобы не усугублять своего положения, либо просто не знал.

– Как так?! – удивился Прохор, продолжая взглядом искать свои штаны.

⁶ По мотивам песни группы Король и Шут «Лесник»

– Да вот так! – Кристина присела на кровать. – Пошел в лес за травами и не вернулся. Лекарь его тоже не видел. Поговаривают, что в лесу опять волки завелись, может, они-то его и схарчили. Или в болоте утоп. Ты есть будешь?

– Мне бы одеться для начала, – кашлянул в кулак шут. Жена травника поднялась, зашла за ширму и кинула на кровать одежду своего давнего любовника, в которую он тут же облачился. Затем женщина поставила на стол поднос со снедью, и Прохор приступил к трапезе. – Кстати, я как раз уполномочен государем разобраться с похожим делом. Пропал не только твой муж, но еще и королевские сборщики ягод и грибов, и пасечник вместе с ними. Не переживай, найдется. Небось, встретились где-нибудь да ужрались хмельного...

Шут макнул кусок пшеничного хлеба с румяной корочкой в тарелку с гречишным медом и отправил его в рот, запив парным козьим молоком.

– Десять дней пить? – Кристина покачала головой. – Если к концу месяца не найдется, то я официально буду считаться вдовой. Ты женишься на мне?

Прохор аж подавился хлебом, опрокинул кружку и обезумевшим взглядом уставился на женщину.

– Чего?! – Он утер рукавом рот.

– Да шучу! – закатилась та со смеху. – Больно охота стать шутовской женой! Буду свободной и незамужней. Открою свою лавку: буду мужние запасы продавать. Ладно, ты кушай, а у меня еще дел много. Не забывай меня, захаживай в гости. Только помни, если на окошке стоит горшок с розой, то иди мимо.

– Не боишься, что тебя постигнет судьба жены конюха?

– Я тебя умоляю! Пусть только рискнет, если живой еще.

Кристина вышла из комнаты, оставив Прохора одного.

– Дела... – хмыкнул он и решил закончить трапезу. Впереди долгий путь в сторону леса, а на голодный желудок какая работа?..

Прежде чем покинуть город, Прохор решил заглянуть к своему знакомому – Даниэлю-мастеру. Изобретатель жил на окраине города, подальше от посторонних глаз, чтобы никто ему не мешал, и поближе к кузнецу, который делал чудаку различные детали для механизмов.

Народ сновал по тесным улочкам, стирая подошвы о булыжник. Со стороны базара слышались крики продавцов и лай бродячих собак, которых гоняли дети и отряд гвардейцев, что следили за чистотой города. Все, кто попадался навстречу Прохору, спешили поприветствовать давешнего героя: мужчины почтено приподнимали шляпу, если таковая имела, женщины кокетливо улыбались, ребятня просто пробежала мимо, не замечая его. Шута узнавали все, хоть он и не надевал свой дурашливый наряд, когда не находился на службе во дворце. Сколько шалостей ему сходило с рук – одному королевскому летописцу известно! То двери двух лавок между собой свяжет так, что ни хозяева, ни посетители выйти не могут, то наложет у входа дерьма лошадиного, накроет тряпьем и подожжет. Выбежит хозяин, начнет затаптывать пламя ногой и весь перемажется в навозе. Но со временем Прохор остепенился, и детские шалости остались позади. Пришло время проказ посерьезнее, как то – посещение чужих жен, но потом и это ему надоело. Пару раз едва не изловили, а потом и вовсе встретилась единственная и неповторимая, а сегодняшний инцидент его порядком озадачил. Измена, как никак, хотя Кристина утверждает, что ничего не было. Брешет... Затем шут заинтересовался дворцовыми делами и интригами придворных, а потом познакомился с изобретателем и заинтересовался наукой. Очень его привлекали всякие непонятные штуки. Но и к этому Прохор быстро охладел, ибо Даниэль бросал одно дело на полдороги и брался за новое. За высоким забором, что огораживал его землю, выделенную королем, скрывалось много странного, а что таилось в большом сарае – и представить страшно.

Шут застал мастера за работой. Тот по обыкновению своему сидел за верстаком в заваленной различным нужным хламом мастерской и что-то конструировал.

– Здоровья тебе, – сказал с порога Прохор. – Ты когда воду в замокпустишь?

Даниэль оторвался от своего занятия, повернулся на крутящемся стуле и водрузил свои громоздкие очки на лоб.

– О, здорово. Все забываю. Завтра, обещаю. Сейчас очень занят, придумал одну штуку... Самоходную карету. Скоро покажу, осталось собрать и испытания провести, – и он мечтательно посмотрел в открытое окно, затянутое прозрачной тканью, через которую проникал воздух, а вот насекомые – нет.

Прохор подошел к мастеру и пожал протянутую ладонь, осматривая бесчисленные стеллажи с разными склянками и непонятными изобретениями.

– А это твое электричество? Ночью ничего не видно, свечей не закупили, на тебя понадеялись.

Мастер вздохнул.

– Все будет, завтра.

– Завтра ты воду обещал, – напомнил шут.

– Значит, послезавтра. Чего пристал? – Даниэль снова опустил очки на нос и стал что-то мастерить.

Прохор только покачал головой и покрутил странный инструмент, что взял со стола.

– Смотри, пристроят тебя под топор. Министр об этом уже заикался. Хм. Я к тебе, собственно, чего пришел-то... – Он положил прибор на место. – В лес иду по поручению короля, возможно, придется бродить всю ночь, а там темень непроглядная.

– А от меня-то чего нужно? Возьми факел, – поднял взгляд мастер.

Шут присел на край стола.

– В том-то и дело, что нельзя с огнем. Секретное дело, а у тебя наверняка есть какая-нибудь штука, чтобы ночью видеть.

– Ну... – задумчиво протянул Даниэль. – Может и есть...

Он встал и начал шарить по многочисленным полкам, роняя чертежи, болтики, шестеренки и книги. В конце концов, через десять минут поиска искомое было найдено. То, что мастер отыскал на самом высоком шкафу, оказалось похожим на очки, но какими-то странными: кожаный ремешок и несколько разноцветных подвижных линз в жестяной оправе.

– Вот, держи.

Прохор покрутил прибор в руках и надел на голову.

– И как это работает?

Даниэль подошел вплотную к шуту и опустил одну линзу, затем закрыл ставни на окне, погрузив комнату во тьму.

– Видишь? – спросил он.

– Ага, – прозвучал голос Прохора, – но плохо.

– Это для сумерек. Опускай вторую.

– О! Теперь хорошо. Тебе надо медаль за это вручить! – радостно сказал шут.

Изобретатель вновь распахнул ставни, впусив в помещение солнечные лучи и порыв свежего воздуха.

– Это не простые линзы, внутри они заполнены выжимкой из глазных яблок собаки, кошки и филина. Они лучше всех в темноте видят, а линзы для второго глаза просто увеличивают, если надо рассмотреть что-то на большом расстоянии.

– Сколько я тебе должен? – спросил Прохор, убирая прибор в торбу и доставая кошель.

– Ничего, – отмахнулся мастер. – Вернуть не забудь. Все, иди, куда шел, мне работать надо! Только болтаешь с тобой... У меня еще водопровод и электричество. Иди уже, – и он буквально вытолкнул гостя на улицу.

Через двадцать минут, когда часы на Главной башне пробили полдень, шут прошел через центральные ворота и вновь покинул столицу Королевства Серединных Земель.

За спиной осталось селение, что раскинулось снаружи от городской стены, и Прохор вышел в гречишное поле, через которое пролегал тракт. Именно по нему в прошлый раз ехал, чтобы разобраться со старостой из Большой пахоты. В этот раз он решил не брать с собой ни гвардейцев, ни писаря, ни кобылу. За ними за всеми смотреть надо, да и мешаться будут. На это раз дело явно будет с заковыркой, не простое. Тут такая свита не к чему. Да и прогуляться тоже не мешает. Сколько можно во дворце штаны протирать?

Озорник ветер шнырял по полю, раскачивая колосья и развивая кудри единственного путника, который снял сапоги, связал их и, перекинув их через плечо, пошел босиком. Редкие облака проплывали по бескрайнему синему небу, пытаясь съесть желтый диск дневного светила, что слепил глаза и старался испепелить своим жаром все живое. Стая настырных ворон пыталась поживиться еще несозревшим урожаем гречи, но постоянно взмывала вверх, завидев пугало.

Примерно через два часа пути Прохор решил передохнуть и развалился на обочине тракта. Во-первых, он намял ступни, а во-вторых, жара его окончательно утомила. Сняв с пояса кожаную фляжку, шут сделал несколько глотков. Затем достал трубку, набил ее ароматным табаком и закурил.

– Надо было у изобретателя все-таки заказать ту штуковину на колесах! – сплюнул Прохор и закрыл глаза, всего на минутку.

Очнулся он от хрипа лошади. Шут резко сел и потер заспанные глаза. Посреди дороги стояла кобыла, запряженная в телегу, на которой сидели несколько человек. Лиц шут не мог разглядеть, только силуэты. Слепило треклятое солнце. Прикрыв глаза ладонью, он присмотрелся.

– Какие люди! – прозвучало с телеги. – Слышали, ты опять зло забарывать пошел.

– Ну да, кроме меня ж некому... – развел руками Прохор. – Добросьте до леса, а то я так два дня идти буду.

– Прыгай, только инструменты не раздави, – и шут забрался в повозку, потеснив музыкантов. Тех самых, что поют и в трактире, и в замке. Тех, с кем он вчера так опрометчиво напился.

– Пошла, чтоб тебя! – крикнул одноглазый артист и хлестнул гнедую кнутом. Телега дернулась и заскрипела по пыльному тракту.

Михась, тот, что постоянно скалился и выпучивал глаза для пущего ужаса, улыбнулся и спросил:

– А ты куда вчера подевался? Мы тебя искали...

Прохор отмахнулся и решил перевести тему разговора.

– Вы сами-то куда едете?

Ему ответил второй запевала.

– На свадьбу нас заказали в Длинные плуги. Дочь мельника у них замуж собралась. К вечеру ждут. Выступим, получим деньги и назад. Деньга она никогда лишней не бывает, да, други?

Артисты согласились и заржали громче королевских лошадей. Даже девушка, что играла на скрипке, и та гоготала наравне с мужиками.

– Ясно, – прочистил пальцем ухо шут. – Вы бы себе название какое-никакое придумали, что ли... Таких ухарей, как вы, полно по свету катается. Ну, чтоб не путали, – сказал он невзначай.

– Так есть у нас уже, – кашлянула скрипачка.

- Какое? – поинтересовался Прохор. – Треньди-бреньди-лютня-бубен?
- Неа, – сказал одноглазый. – Красивше: Броуменские музыканты.
- Ничего подобного не слышал, главное, оригинальное название.
- Вот! – хором сказали артисты.
- Ну, сыграйте тогда что-нибудь, чтоб не скучно ехать было. Я даже золотой дам.

Прохор выудил из кошель монету и протянул взъерошенному певцу. Тот попробовал деньгу на зуб, одобрительно хмыкнул и убрал ее в карман куртки.

- Это можно. В лес, говоришь, собрался? Есть у нас одна песенка веселая, про лешего.

Возница бросил вожжи и взял в руки мандолину, а лошадь продолжила топтать вперед. Остальные музыканты вытащили из-под соломы инструменты, подтянули струны и заиграли быструю мелодию, а певцы заголосили на всю округу, подняв в небо только-только успокоившихся ворон.

В ночном лесу костёр горел,
а у костра усталый дедушка сидел.
Трогал усы, трубку курил,
о чём-то тихо сам с собою говорил.
И в тот же миг раздался крик,
схватив дубину, поспешил на зов старик.
От боли корчась парень в кустах лежал,
и озирался и от страха весь дрожал.

- Дедушка, милый, спаси меня!
В капкан угодила нога моя!

Но почему в ответ брови нахмурил дед?
Брови сурово нахмурил дед!

Старик курил и говорил:
– Ты мне серьёзную обиду причинил.
Как смел ты этой ночью в мой лес ходить,
о страшном лешем так бесстыдно позабыть?!

- Дедушка, милый, спаси меня!
В капкан угодила нога моя!
Но почему в ответ, брови нахмурил дед?
Брови сурово нахмурил дед!

– Погибель тебя ждёт,
коль ты со мною повстречался!
Ведь больше не живёт, тот зверь,
что в мой капкан попался!
Парень вскочил и помчался прочь.
Он дико кричал, проклиная ночь.
Падал, одежду рвал, снова вставал, бежал.
Вместе с капканом, аж до самого дома!⁷

⁷ «Леший обиделся».

Закончив петь, артисты снова захохотали и стали по-дружески пихать друг друга. Досталось и Прохору, который не горел желанием веселиться.

– Спасибо вам, – Он плюнул на дорогу. – Умеете подбодрить человека. Ничего повеселее не могли спеть? Мне, вообще-то, еще весь день и всю ночь по лесу бродить придется.

– Ну, извини, – пожал плечами обладатель звонкого бубна. – Мы хотели как лучше.

– Да ну вас, – махнул рукой шут и замолчал.

Оставшийся путь проделали в тишине. Едва лес приблизился на выстрел из лука, Прохор соскочил с телеги и поблагодарил музыкантов за помощь. Те помахали ему на прощание и через несколько минут скрылись в чаще.

Прохор постоял немного на дороге, затем обулся и краем поля побрел к опушке. Он понимал, что может плутать бесконечно в поисках пропавших королевских служак, но надеялся, что этого не произойдет. Первым делом он решил осмотреть пасеку, а потом уже поляну, где выращивали ягоды для королевской кухни, а затем грибную полянку. И, конечно же, нужно посетить лесника. Только шут собирался продолжить свое путешествие, как его чуткий слух уловил чей-то крик, который постепенно становился все громче. В конце концов, Прохор увидел мчащегося к нему всадника.

– Стой, злыдня, чтоб тебя! – тот резко остановил коня, подняв клубы пыли. – Думал, не успею.

– Ты чего поперся?! – шут упер руки в бока и из-под бровей посмотрел на дворцового летописца. – Я же велел тебе оставаться в замке.

– А король велел обратное, – тот спрыгнул с кобылы. – Сказал, что негоже отправляться тебе одному. Еще надо все записать для порядка. Вот...

Прохор вздохнул.

– А откуда ты знаешь, что я не вчера уехал?

– Опробовал стражу у ворот, что у меня, языка нет? Они же ведут учет: кто входил, кто выходил. Чтобы всегда знать, сколько народу за стенами города.

– Пёс с тобой, но только запомни: слушаться меня во всем. Скажу сидеть – сиди, скажу бежать – беги. Понял?

– Мне все равно, лишь бы живым остаться и сытым, – отмахнулся писарь.

– А вот этого как раз я тебе обещать не могу. Ладно, пошли, скоро вечереть начнет.

Они побрели вдоль опушки леса.

В ветвях деревьев чирикали невидимые птички, где-то настойчиво дятел долбил клювом кору, пытаясь добраться до червяка, где-то угукал филин. Даже кукушка расщедрилась, когда шут решил узнать, сколько лет ему жить. Птица накуковала сто раз, а вот писарю повезло меньше: пернатая гадалка остановилась после второго раза.

Служитель пера и бумаги глупо улыбнулся и отшутился, мол, это она в столетиях посчитала, а сам уже пожалел, что не послушался королевского указа и поскакал-таки вслед за шутком.

В чаще трещали сухие деревья, на головы то и дело падали то шишки, то желуди. Когда впереди показались шапки ульев и шалаш пасечника, летописец радостно потер руки.

– Наконец-то привал.

– Ты не больно-то радуйся, – охолонил его Прохор. – Если этого обормота тут нет, значит пойдем дальше, искать королевского ягодника и такого же грибника.

– На ночь глядя?!

– Я тебя, кажется, предупреждал. Выражай свое недовольство молча, – шут открыл крышку часов и посмотрел на стрелки. – Времени еще много.

Глубоко в гречишном поле стояло около тысячи ульев, которые напоминали огромный город, только с высоты птичьего полета. Прохор однажды поднимался с изобретателем на воздушном пузыре, поэтому у него было с чем сравнивать. Вокруг кружило бесчисленное количе-

ство пчел, от которых летописец боязливо отмахивался сорванной березовой веткой. Тем временем шут осмотрел шалаш.

– Пусто, – разбил он надежды писаки на привал. – Придется идти дальше. В лес, мой юный друг!

– Я, между прочим, старше тебя на два года! – недовольно ответил тот.

– Ну, значит, и умрешь раньше, – парировал рыжий хохмач. – Тебя, кстати, как звать-то?

– Фрэд, а тебя?

– Меня – дураком, но ты можешь... Я передумал, никак не зови, главное сам откликйся, – и Прохор, накинув на голову капюшон, шагнул в самую чашу, заслоняющую своими пышными кронами небо.

Летописец начал стонать уже через десять минут. Мало того, что лошадь пришлось оставить на опушке, привязав ее к рябине, ему казалось, что шут специально повел его через бурелом, ямы и болотину, минуя дорогу, просеки и тропинки. Вокруг, не прекращая, жужжали оводы и комары, которые больно кусали и забирались под одежду. То и дело шут отпрыгивал в сторону с криком:

– Осторожно, змея!

Писарь проделывал аналогичную процедуру, но оказывалось, что рыжий плут пошутил, и покатывался со смеху, глядя на испуганное лицо своего спутника. Но больше всего Фрэда раздражала паутина, которую он не успевал утирать с лица. Казалось, что она повсюду, а пауки сошли с ума, плетя свои прозрачные, противные сети.

– Почему мы идем тут, а не как все люди по дороге?

– Потому что ягода растет лучше там, где сыро. Сборщик мог сюда прийти за брусникой, смотри, тут целые заросли!

Летописец посмотрел по сторонам и обнаружил среди травы и папоротника россыпи красных ягод, больше похожих на драгоценные камни, хотя до этого не замечал их вовсе – был занят сражением с насекомыми.

– Убедил, – и он прихлопнул на шее очередного комара. – Долго еще идти?

– Нет, клубничная поляна рядом, только через болото переберемся и все, – ответил шут, ломая ветку орешника. – Сделай себе такой же шест, проверяй перед собой поверхность, а то провалишься. Топь в считанные мгновения утянет, и глазом моргнуть не успеешь.

Казалось, что комары со всего леса слетелись к этому болоту и если они очень сильно захотят, то, наверняка, смогут поднять человека и унести к себе в гнездо или где они там обитают. Вдобавок ко всему лягушки квакали так громко, что хоть уши затыкай. Под ногами противно хлюпало, булькало и урчало. Топь устрашающе пузырилась и извергала невыносимую вонь.

Фрэд сменил здоровый розовый цвет лица на бледно-зеленый, и только шут чувствовал себя, как в своей тарелке. Он ловко перепрыгивал с кочки на кочку, опираясь на ореховый шест и обдавая летописца брызгами грязи и ряской. Всего через каких-то полчаса путники ступили на твердую землю. Деревья и кустарник расступились, и перед ними открылся вид на большую поляну. Писарь тут же повалился на траву и принялся выливать из сапог вонючую болотную жижу.

– Официально заявляю, что назад по болоту не пойду! – прохныкал он. – Или тащи меня на себе, или подавай мне дорогу. Вообще, ты мог мне объяснить, куда ехать, я бы на лошади доскакал. Как там она?..

– Успокойся, – отряхнулся от налипшей ряски Прохор, откинул крышку часов, защищающую циферблат, и посмотрел время. – Судя по тому, как расположились минутная и часовая стрелки, до окончательного захода солнца, которое наступит аккурат в двадцать два, у нас есть еще несколько часов.

Фрэд с глубоким уважением посмотрел на шута, ведь для простого писаки эта фраза прозвучала не иначе, как древнее заклинание. И единственное, что он понял, так это то, что скоро стемнеет.

– Долго еще?

Проход осматривался.

– Ну, ягодника я не вижу, поскольку эта поляна и есть искомая черничная рассада. Ягоды собраны, а сам сборщик ни дома, ни во дворце не появился. Следовательно, он где-то в лесу. Ау! – больше для проформы прокричал рыжеволосый шутник. – Никого. Придется идти дальше.

Фрэд взвыл и стал натягивать сапоги.

– Подожди чуток хотя бы, дай я отчетности соблюду, – и он достал из сумы книгу, письменные принадлежности и стал кропать «Сказание о походе в поисках пропавших служащих королевского двора, а именно: сборщика ягод, сборщика грибов и бортника». – А есть мы когда будем?

Шут удивленно посмотрел на писаря.

– Ешь, кто тебе не дает?

– А у меня нет ничего, я думал... – на его глазах стали наворачиваться слезы, а нижняя губа предательски задрожала.

– Ты что же никаких припасов с собой не взял? – спросил Проход. – Я лично могу и червяка схарчить, и гусеницу. Неприхотливый я. Еще грибы есть и ягоды, орехи... Ты как, вообще, собирался?

Фрэд совсем сник.

– Да, все впопыхах как-то. Запомню. Мне хотя бы корочку хлеба, а? – и он с надеждой посмотрел на своего попутчика.

Но тот только развел руками, мол, ничем не могу помочь. Проход отшвырнул в сторону уже бесполезный ореховый шест и зашагал через поляну. Охая и ахая летописец поплелся следом, срывая на ходу редкие ягоды и отправляя их в рот.

А тем временем солнечный диск медленно, но верно, клонился к горизонту. Ветви вековых вязов так плотно переплелись между собой, что почти полностью заслонили розовеющее небо. Наступали сумерки, которые еще больше стали мешать продираться через бурелом. Но хуже всего было преодолевать глубокие овраги, по дну которых протекали ручьи грязи.

В конце концов, солнце спряталось, и дремучий лес погрузился во тьму. На небе появилась полная луна, и высыпали мириады звезд. Проснулись ночные жители леса, и все вокруг запищало, застрекотало и заукало. Добавляли ужаса и падающие сквозь листву шишки и желуди. Устрашающе светились гнилушки и трещали под ногами ветки. То тут, то там ползали светлячки.

– Надо было мне отсидеться где-нибудь и сказать, что я тебя не нашел, – причитал Фрэд, сдирая паутину с лица одной рукой, тогда как другой держался за пояс Прохода, чтобы не отстать. Шут никак не отреагировал на его нытье, а упорно продолжал двигаться вперед. – Ты точно знаешь, куда идти? Мы не заблудимся?

– Иди молча! – прикрикнул на него дворцовый дурак. – И смотри ты под ноги, так и норвишь меня уронить. Тихо! – неожиданноскомандовал он.

И тут сердце Фрэда ушло в пятки. По ночному лесу разлетелся жуткий волчий вой. В добавок к этому налетел сильный ветер, который нагнал тяжелые свинцовые тучи, заслонившие собой и луну, и звезды, а спустя несколько мгновений по листве забарабанили первые капли.

– Только этого не хватало! – пробубнил писарь и поежился.

– Не переживай, – поспешил утешить его шут. – Вон, впереди свет мерцает, кажись, добрались мы до избушки лесника. Прибавь ходу, а то сейчас полетит как из ведра.

Просить дважды Фрэда не пришлось. Тот преодолел оставшийся путь шагов в семьсот за считанные мгновения, будто являлся счастливым обладателем семимильных сапог. Ему стали безразличны и коряги, что путались под ногами, и ветки, цеплявшиеся за одежду, и даже треклятая паутина. Он мчался вперед, как ветер в чистом поле. Прохор еле поспевал за ним.

Действительно, посреди небольшой полянки стоял дом с высокой, покатою крышей, устланной лапником, а из каменной трубы, что возвышалась над ее коньком, в хмурое дождливое небо валили клубы сизого дыма.

Свой пыл служитель пера умерил только возле крыльца, срубленного из толстых бревен, дома лесника. Он отдышался и еще имел наглость крикнуть отставшему спутнику.

– Ну, долго ты там? Плетешься, как древняя кобыла!

Шут усмехнулся, поднялся по скрипучим ступеням, заглянул в зашторенное окно и постучал в дубовую дверь.

Внутри послышалась брань и неспешные, шаркающие шаги.

– Кого нелегкая принесла?! Дома надо сидеть, а не шараться по лесам. Ночь на дворе! – петли скрипнули и дверь распахнулась. На пороге появился хмурый старик, забеленный сединами, в домашних тапках, потрепанных штанах и стеганке. – Кто такие, чего надобно?!

Фрэд гордо выпятил грудь и вздернул подбородок.

– Я – королевский летописец! А это, – Он кивнул в сторону шута, – со мной. Уважаемый, мы совсем выбились из сил, блуждая по лесу. Нам необходим отдых, и еда. На чистую одежду я уже не надеюсь, а вот нашу нужно просушить. Едва не утонули в тутошних топях, благодаря некоторым, – и он с укором посмотрел на Прохора, закатившего глаза.

Старик еще раз смерил взглядом непрошенных гостей, о чем-то подумал и отошел в сторону, приглашая войти внутрь. Затем сам вышел на крыльцо, всмотрелся в темноту и с улыбкой закрыл дверь.

– Как говорится – будь как дома, путник, – крикнул хозяин и потер подбородок, – но не забывай, что в гостях.

Внутри дом оказался много лучше, нежели снаружи: стены обшиты обрезной доской, вероятно, с королевской лесопилки, пол устлан ковром с крупным ворсом, тоже не дешевое удовольствие. Повсюду канделябры со свечками, а вместо захудалой печки – самый натуральный камин, где полыхали и потрескивали дрова, выбрасывая вверх снопы искр. Над огнем висел большой котел, в котором, судя по запаху, бурлила мясная похлебка.

Почувяв запах, Фрэд облизнулся, а его живот издал оглушающий урчащий звук. Он несколько смутился и закончил раскладывать на полу промокшую одежду, оставшись в одних портках и рубахе. Прохор же не скинул даже куртку.

– Прошу отведать моей скромной снеди, – лесник дружелюбным жестом пригласил гостей к столу, что стоял возле занавешенного окна. – Как говорится, чем богаты, тем и рады.

Не успел хозяин закрыть рот, а писарь уже занял место и крутил в руках серебряную ложку, которую предусмотрительно вытащил из своей сумы. Прохор покачал головой.

– Премного благодарны тебе, отец. Ты уж извини, измучила нас дорога, да и, кажись, волки выли неподалеку...

– Волки?! – удивился старик. – Да откуда ж им взяться-то? Последнего в том году, вроде как, охотник Себастьян завалил. Хотя, времена нынче престранные, все может статься.

Лесник пожал плечами и направился к камину. Он снял с огня котел и вернулся к столу. Разлив по мискам похлебку, он выложил еще кое-какие припасы: соленые огурцы, свежие помидоры, грибную икру и кругаль хлеба. Фрэд сглотнул слюну и начал набивать рот всем подряд, стряхивая на пол крошки. Прохор ел не спеша, поглядывая на хозяина дома, а тот, в свою очередь, к еде даже не притронулся.

Насытившись, летописец вышел из-за стола, достал из сумы трубку, забил ее табаком и закурил, выпуская клубы дыма.

– Ох, и объелся же я, сейчас лопну! – расположился он на полу возле камина, глядя, как полыхают сухие поленья.

Шут отодвинул миску и поблагодарил старика.

– Спасибо тебе, отец, за сытный ужин. Что-то меня в сон потянуло. Нельзя у тебя переночевать на чердаке?

Дед принялся за уборку.

– От чего же... Можно, только наверху крысы вот такие, – Он развел руки в стороны, как заправский рыбак. – Я вам тут кину тулупчик, у очага.

– И на том спасибо, – Прохор слегка кивнул. – Еще раз прости нас за причиненные неудобства.

Старик свалил грязную посуду в чан с водой, прошелся по ней ветошью, смывая остатки пищи, и убрал в шкафчик, что висел над топчаном. Затем смахнул со стола крошки в ладонь и выбросил за дверь.

Снаружи громыхал гром, а в окошко просматривались сполохи молний. Судя по тому, что капли дождя не колотили с силой по стеклу, гроза проходила стороной, лишь слегка намочив листву и напугав припозднившихся путников.

– Ты, я смотрю, – обратился лесник к Прохору, – из образованных будешь. В благородной семье родился?

– С чего взял? – удивился шут.

– Ну как же?! – старик повесил над огнем котелок поменьше, едва не наступив на дымившего трубкой писаря, который что-то кропал в своей книге. – Спасибо-пожалуйста да будьте любезны, не то, что некоторые. Сейчас вода закипит, попьем отварчиков травяных.

Старик на мгновение скрылся за дверью ведущей в соседнее помещение, а вернулся, неся в руках два тулука, которые бросил на Фрэда.

– Эй! – встрепенулся тот. – Поаккуратнее!

То ли время потекло быстрее, То ли что, но горячее питье оказалось в руках гостей довольно скоро. Прохор, так и не раздевшись, развалился на полу рядом с Фредом. Старик потушил все свечи и сам пристроился на топчане.

– Хотите, расскажу вам на сон грядущий историю, что приключилась в одной далекой стране? – спросил дед.

– Что мы дети малые?! – возмутился писарь, грея пятки у огня.

– А я бы послушал, – толкнул его в бок рыжий весельчак. – Все лучше, чем твой бубнеж.

Он отставил полупустую кружку в сторону, повернулся на спину и заложил руки за голову. На потолке плясали причудливые тени, рождаемые пламенем камина. Хозяин дома немного покряхтел, поворочался, устраиваясь поудобнее и, наконец, заговорил.

– Уж не судите строго, рассказчик из меня, прямо скажем, никакой, но... К тому же могу и подзабыть самую малость. История необычная и сложено по-чудному, все в рифму, стихи называется. Я ее в таверне услышал, когда в город по делам наведывался, тогда ее, правда, под музыку зловещую рассказывали...

Тут Фред не выдержал.

– Да хватит уже ходить вокруг да около, не томи. Я засну, а ты так и не начнешь!

– Ты ж не собирался слушать! – хмыкнул Прохор.

– Передумал, да и выбора нет.

Старик прокашлялся, привлекая к себе внимание.

– Все, начинаю.

Порою возвращает меня память
в тот страшный летний день,
когда бредя вдоль речки безымянной,

наткнулся я на труп несчастной женщины.
Она лежала, запрокинув свою голову,
на шее рану я увидел безобразную.
Откуда здесь она, босая, полуголая,
какой-то грязью непонятной вся измазана.
Но что за взгляд недобрый, что за ненависть,
с какой покойница смотрела на меня.
Воскликнул я, значенья слов своих не ведая:
– Не смей смотреть, меня во всем вина!
Не понимал свое я состояние,
ужасный взгляд затмил мое сознание,
и побежал я прочь от места этого.
Свели с ума проклятые глаза ее...
Бежал, пока совсем не обессилел я,
но, обернувшись, я увидел эту женщину.
Не может быть! Какой ужасной силою
был этот труп вдруг приведен в движение?
И тело мертвое столкнул я в речку быструю,
и понеслось оно, потоку подчиняемо.
А я опять бежать, что было сил моих,
и падал на пути, кричал отчаянно...
А нынче глянул я в окно, со сна опухший,
а под окном – размокший труп несчастной женщины!
Протер глаза – виденье растворилась!
Избавь, Господь, меня от тех воспоминаний!
Хлещет дождь который час, бьет вода по крыше.
На столе горит свеча, пламя тихо дышит.
Будто вечен этот вечер...
И никак душе моей не найти покоя.
Слышу шорох у дверей. Что же там такое?
Будто вечен этот вечер...
Слышишь, стерва, голос мой? Ты ведь где-то рядом!
Не стучись ко мне домой, мне тебя не надо!
Будто вечен этот вечер...⁸

– Старик! – прошипел Фрэд. – А ничего повеселее нет? Ужасу нагнал, даже крысы с чердака убежали!

– Дык... – кашлянул тот. – Ну вот, сбил меня, окаянный, я забыл как там дальше.

– И слава богу! – зевнул Фрэд во весь рот и подбросил в угасающий камин еще одно полено. – Давайте спать. У нас завтра еще дел по горло.

– Это какие же дела могут быть в лесу? – заворчался лесник.

– Государственной важности! – закутался в тулуп писарь. – Королевский ягольник и грибник пропали. Я их ищу.

Тут закашлялся шут.

– Ну-ну, – хрюкнул старик. – Ищи...

А уже через минуту избу наполнил громкий храп хозяина дома и дворцового бумагомастера, и кто заливался пуще, еще можно было поспорить.

⁸ «Воспоминания о мертвой женщине».

Проснулся писарь оттого, что в полной тишине раздавался жуткий вой. Фрэд сел и протер глаза. Поленья догорели, и лишь угли еще еле теплились в жерле камина. Заспанный летописец растолкал шута.

– Слышишь? Говорю тебе, это волки. Прямо рядом с домом. Надо лесника будить!

– Буди, мне не мешает, – отмахнулся Прохор и засопел, повернувшись на другой бок.

Тот встал и прошлепал в сторону хозяйского топчана, опрокинув кружку, которую оставил шут. Ругнувшись, Фрэд добрел до старика и потряс его за плечо.

– Эй, проснись! – зашептал он.

– Уйди, а то прокляну! – гаркнул дед, но глаза открыл. – Чего тебе, злыдень, не спится?

– Волки за окном!

Хозяин сбросил ноги на пол, прислушался и почесал проплешину.

– Действительно, пришли уже.

Он влез в сапоги, накинул зипун, что использовал вместо подушки и, улыбнувшись, вышел в ночь, громко хлопнув дверью. Фрэд постоял еще немного, почесывая зад, и уже собрался увалиться спать, как вернулся лесник. В одной руке он держал коптящий факел, а в другой однозарядное ружье.

– Собирайся, – прошипел он писарю и махнул стволом в сторону выхода.

– Я... я не охотник. Перо мое оружие, – стал оправдываться тот.

– Пошустрее говорю, выходи, приятель. Мои серые друзья пайку требуют.

У Фрэда затряслись ноги, и он от страха и неожиданности потерял дар речи. Его глаза стали искать спасения, а рот беспомощно открывался, как у рыбы, попавшей в рыбацкую сеть. Он хотел позвать шута, но слова застряли в глотке. На негнущихся ногах писака прошлепал к дверному проему, и старик вытолкал его наружу.

– Иди, писатель Гудвин! – и лесник закрыл за собой тяжелую, дубовую створу.

Глава четвертая

Гроза не спешила уходить, она кружила вокруг вотчины лесника, словно заговоренная, то стихая, то бушуя в полную силу.

Свинцовые тучи плыли по ночному небу. Иногда, буквально на миг, из-за них выглядывала луна и бросала свой бледный свет на землю, но тут же снова скрывалась за грозовой завесой. Она, словно узник, пыталась вырваться из темницы, но зоркие темные стражи продолжали нести свой ночной караул, пресекая все попытки сбежать. Где-то вдалеке свои разноцветные узоры плели сполохи молний, пробиваясь сквозь стену дождя, а воздух сотрясали оглушающие раскаты грома. Деревья гнулись, словно они всего лишь колоски на поле. И где-то среди всего этого ужаса таились серые хищники, что подпевали шквальным порывам ветра.

Фрэд буквально съехал по скользким ступеням и ступил в лужу. Грязные брызги разлетелись по сторонам, оставив на штанинах потеки. Редкие дождевые капли на лице писаря смешались со слезами, выступившими от страха.

– Н-не н-надо... Что вы хотите сделать? – проплакал Фрэд.

– Я? – спросил лесник, злобно ухмыляясь. – Собачек покормить. Иди, давай, за дом.

Писарю пришлось подчиниться. Да и выбора у него особо не было – вороным глазом смерти смотрел на него ствол заряженного ружья злобного деда.

– Но почему я?! Там вон шут есть, а я еще молод... И не пожил-то толком! Зачем я, вообще, поступил на службу во дворец?! – грязь под голыми ступнями Фрэда зловеще хлюпала. Одной рукой он опирался на скользкие бревна сруба, а другой вытирал слезы. – Что же это такое происходит? Может, я просто сплю? Я сейчас проснусь. Ну же! Нет, это не может быть правдой. Какая нелепая смерть. Мама!

Стенания летописца прервал лесник. Сильнейшим ударом приклада в спину, он опрокинул будущий волчий ужин на землю. Фрэд рухнул на колени, как срезанный хорошо наточенной косой стебель ромашки, погрузив руки в жижу, которая покрыла всю поляну. Что-то больно кольнуло его ладонь. Дрожащие пальцы нащупали некий предмет и извлекли его из воды.

Глаза писаря наполнились еще большим ужасом: его ладонь сжимала большую кость. Он начал судорожно копошиться в луже, извлекая оттуда все новые и новые останки, отбрасывая их в сторону. Фрэд все еще лелеял в глубине души надежду, что это всего лишь злая шутка. Вот сейчас лесник засмеется, опустит ружье, и они пойдут в дом, где тепло и уютно. Вот его рука наткнулась на что-то округлое. Летописец чуть не умер на месте: на него смотрели пустые глазницы человеческого черепа, который скалился двумя рядами гнилых зубов.

«Почему же этот шут не спешит мне на выручку?! Трус! Ничего, придет и твоя очередь, трус! – пронеслось в голове королевского трудяги».

Сзади раздался злобный смех старика.

– Знакомьтесь, скоро ты составишь ему компанию. Будите вдвоем веселиться.

– Помогите! – срываая голос, заорал Фрэд и закрыл глаза, потеряв всякую надежду на спасение.

Старик взвел курок, и его скрип заставил сердце писаря забиться в тысячу раз быстрее. За секунду бедолага вспомнил всю свою недолгую жизнь, мысленно попросил прощение у всех, кого успел обидеть, еще раз проклял шута, затем самого лесника, волков, пропавших собирателей грибов и ягод, короля Генриха и, на всякий случай, начальника дворцовой стражи. Пожалел, что не успел-таки уединиться с фрейлиной королевы, которая уже давно строила ему глазки, а он, дурак, своим невниманием набивал себе цену. Осёл! Так и умрет, не познав женских ласк.

– Идите сюда, мои хорошие, ужин готов! – проговорил лесник, и ему ответил волчий вой, донесшийся издалека.

Фрэд теребил на груди промокшую рубаху и шевелил губами, молясь всем известным ему богам. Он обернулся и посмотрел на старика, который отвел факел в сторону, прижал приклад ружья к плечу и прицелился.

– Прощай, путник. Передай на том свете привет сборщикам ягод и грибов, да и пасечнику не забудь.

Писарь закрыл глаза и перестал дышать. Казалось, время застыло. Гроза тоже остепенелась: стих гром и шум деревьев, лишь легкие порывы ветра трепали волосы несчастного.

– Ну, вот и все, – прошептал бедолага и приготовился к смерти.

Неожиданное появление шута показалось Фрэду не иначе как чудом или волшебством.

– Эй, ты! – прозвучал крик Прохора, заставивший лесника на секунду замешкаться.

Этого вполне хватило писарю для того, чтобы на карачках отползти в сторону, подальше от смертоносного ружейного дула. Старик оскалился в кривой улыбке и повернулся вполоборота.

– Какого лешего тебе не спится? Или хочешь занять его место?! Могу тебе это устроить...

Дед развернулся и направил ствол на шута, но тот был наготове. На голове неожиданного свидетеля лесник узрел странный прибор, а его руках – рогатку, заряженную большим желудем, что со всей силы врезался в левую руку лесника. Тот взвыл, как подстреленный лось, и выронил факел, который упал в лужу и с шипением погас. Мир погрузился во тьму. Где-то скулил Фрэд, подпевая серым хищникам, что завывали в лесу. В темноте уже стали видны желтые огоньки их глаз.

– Чтоб тебя! – выругался старик и нажал на спусковой крючок. Из дула вырвалось пламя, на миг осветившее поляну, а воздух разрезал грохот выстрела, сделанного наугад.

Фрэд заверезжал на всю округу. Раздались проклятия, и лесник ударился в бег.

– Никуда не уходи! – прокричал Прохор писарю и побежал вслед за стариком.

Несмотря на то, что дед знал местность, как свои пять пальцев, он не смог оторваться от преследователя. Благодаря изобретению Даниэля, Прохор видел, как днем. Он ни на шаг не отставал от лесника. С поляны погоня перенеслась в самые дебри: дед ловко обегал все ямы и буреломы, но, как бы ему не хотелось, шут не отставал. Мало того, он чувствовал, что преследователей двое. Этот же факт осознал и Прохор, когда за его спиной захрустели ветки.

– Я же тебе сказал оставаться на месте! – крикнул через плечо шут, увидев своего попутчика.

– Я что, похож на идиота?! Боязно одному оставаться, вдруг этот сумасшедший не один! Не беги так шибко, я не успеваю за тобой. Могу заблудиться. Ай! Я, кажется, ногу распорол, – Фрэд отмахнулся от ветки, хлестнувшей его по лицу, и сел на поваленное дерево.

Шут зарычал со злости.

– Дерьмо... Из-за тебя лесник ушел, – Прохор подошел к писарю и осмотрел ступню. – Нет тут ничего. Вдарить бы тебе! – и замахнулся рукой.

– Я не виноват, – вздохнул тот, вжав голову в плечи. – А что это у тебя на голове?

– Много будешь знать, скоро состаришься! – сплюнул дворцовый хохмач. – Где его теперь искать? Он в лесу, как рыба в воде.

– Извини...

– Да иди ты! – шут присел рядом с летописцем.

Сполох молнии осветил лес. Со страху Фрэду показалось, что он полон чудовищ, на самом же деле это просто стволы деревьев и кустарников причудливо переплелись между собой. Неожиданный раскат грома заставил преследователей вздрогнуть. Листва зашелестела под порывами ветра, который сбросил вниз дождевые капли. Писарь поежился То ли от ужаса, То ли от холода.

– Может, пойдем обратно? – спросил он.

– Ш-ш-ш! – шут приложил к губам указательный палец, призывая своего спутника к тишине, и прислушался. Тот замолчал и наострил уши.

Где-то в чаще прозвучал крик о помощи. Затем зов повторился еще несколько раз.

– Кто это?! – Фрэд придвинулся к шуту.

– Похоже на голос лесника. Надо бы посмотреть... – отодвинулся тот.

– А вдруг это ловушка? – писарь опять попытался прижаться к Прохору.

Но тот уже встал и перешагнул через дерево. Фрэду ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть и последовать за бесстрашным шутом. Впрочем, идти пришлось недалеко. Всего в каких-то трехстах шагах от того места, где они потеряли лесника, тот и нашелся.

Деревья расступились, и путники вышли к болоту. Небо уже успело очиститься от тяжелых свинцовых туч, словно никакой грозы и не было вовсе. Вновь появилась бледная луна в окружении сотен тысяч младших сестер – звезд. Она еле-еле роняла свой тусклый след на болотную гать, мимо которой ломанулся лесник и теперь, завязнув в трясине по пояс, молил о помощи. Он беспомощно стучал руками по зловонной жиже, разгоняя ряску и водомерок. Невидимые глазу жабы хохотали, глядя на жалкие старания старика выбраться из этой коварной топи.

– Сынок, не дай утонуть! – прохрипел дед, выплевывая болотину.

Шут с Фрэдом остановились у самого края пади, буквально в двух шагах от того места, где солончак, тем временем, все пуще засасывал свою жертву.

Прохор снял с головы прибор изобретателя, сложил руки на груди и усмехнулся.

– Ты сейчас к кому обратился, папаша? Ко мне или к этому, в портках? – Он кивнул на писаря что переминался с ноги на ногу. – Я тебе помогать не особо хочу. Давай спросим у Фрэда.

Тот присел на корточки и посмотрел в глаза утопающему в грязи старику.

– Ты меня хотел волкам скормить, а теперь хочешь, чтобы я тебя спасал? Ты в своем уме?! Я лучше посмотрю, как ты утонешь. Тем более что я никогда этого не видал. Как голову рубят глядел, но это совсем другое.

Вода в болоте запузырилась, и лесник погрузился в трясину по плечи.

– Помогите мне, парень, выбраться! – прорычал дед. – Пошутил я!

– Шутник, твою мать! – выругался Фрэд и ударил лесника по лысине сломанным прутом. – Теперь пришла наша очередь смеяться. Знаешь что? Сдается мне, что на том свете тебя встретит или мерзкая кикимора, или водяной. Вот с таким, – Он развел руки в стороны, – кайлом.

– Ладно, – прервал описание загробного будущего лесника шут. – Скажи, пропажа королевских сборщиков твоих рук дело? Отвечай, или мы пошли.

Старик подумал несколько мгновений.

– Каюсь... Вытащи меня уже! Их уже не вернуть, а я готов понести наказание, каким бы суровым оно не было!

– Ты зачем волков человечинной кормил? – шут присел.

Старик сплюнул болотину, что снова попала в рот.

– Чтобы они по селам не шатались да скотину не драли. Я жителям услугу оказывал. Откуда мне знать, что те королевскими слугами являлись? Волкам все равно, кого есть. Слушай, вытаскивай меня уже.

– А стоит ли? – Прохор посмотрел леснику в глаза. – Нет человека – нет проблемы. Моя задача выяснить, куда пропали сборщики. Я выяснил, так что...

– Умоляю! – прохрипел дед и стал медленно уходить под воду.

Через несколько мгновений он скрылся из виду, и ряска сомкнулась над ним. На поверхности оставались только его руки. Шут вздохнул и взглянул на писаря, который сидел, выпучив глаза.

– Давай, наклони ему эту березку, а то, чего доброго, в самом деле потонет... – королевский летописец непонимающе посмотрел на него. – Да быстрее, захлебнется же!

Фрэд вскочил и навалился всем весом на тоненький ствол. Цепкие ладони тут же вцепились в ветви, а через мгновение на поверхности показалось серое лицо лесника, который стал жадно хватать ртом воздух.

– Премного благодарен. Я уж подумал, что все, конец мне.

Напрягая мышцы, дед медленно, но верно выбирался из болота. Прохор схватил его за зипун и помог вылезти на берег. Тот растянулся среди папоротника и часто задышал.

– Зря мы его спасли, – крикнул Фрэд. – Вон, какой здоровый, он с нами двумя враз справится, если захочет.

– Неа, – отмахнулся шут. – У него сил не осталось, но на всякий случай...

Прохор пошарил взглядом вокруг себя и увидел небольшую корягу. Перекинув ветку из руки в руку, он с силой опустил ее на голову леснику, выбив из того сознание.

– Так оно спокойнее будет. Сейчас свяжем его, отнесем в дом, а завтра доставим в тюрьму.

– Тащить его через бурелом?! – возмутился писарь.

– Здесь должна быть тропинка, ведущая от гати к дому. Это он от нас через чащу удирал, – сказал Прохор, стягивая леснику запястья бечевкой. – Думал, что мы отстанем, но не повезло. Мы ведь тоже не лыком шиты! Да? – и дворцовый дурак подмигнул писаке.

Тропинка, действительно нашлась, причем тут же. Шут взвалил увесистого старика на плечо и двинулся вслед за Фрэдом. Несли бузотера по очереди, и писарь все больше склонялся к тому, что решение сохранить ему жизнь – ошибочно. Луна освещала им дорогу и не скрылась ни за тучу, ни за облако, пока они не дошли до дома лесника.

До рассвета оставалось всего несколько часов, которые королевские служащие решили посвятить сну, заперев хозяина дома в чулане и заткнув рот кляпом, чтобы не мешал своими воплями, когда придет в себя.

Дрыхли, как убитые, без снов и, как не странно, выспались. По крайней мере шут.

Едва солнце поднялось над лесом, Фрэд, Прохор и лесник двинулись в путь. Причем последнего не то что не развязали, но даже кляп изо рта не вынули. Так он и брел по лесной дороге, и лишь проходя гать, возле которой едва не отправился на утеху водяному или кики-море, что-то пробубнил и, судя по сверкнувшим глазам, – сплошные ругательства.

Лесные птицы пели, греясь на солнце, пауки плели свои сети. В тех, которые не оборвал шквалистый грозовой ветер, поблескивали капельки воды, в некоторых трепыхались маленькие мушки. За ночь земля насытилась влагой с избытком, поэтому на дороге появились лужи.

Брели молча. Летописец все еще прокручивал в мыслях произошедшее ночью, а Прохор не являлся сторонником праздных разговоров, только по делу и только с теми, кто ему по душе. Фрэд к таким людям не относился, с ним даже помолчать не о чем.

Примерно через два часа путники вышли на тракт, как раз в том месте, где вчера писарь нагнал шута. Оно практически не изменилось за тем исключением, что лошадь пропала.

– Наверняка цыгане сперли! – всердцах выругался писарь. – Теперь из жалования удержат.

– Не переживай, я это улажу, – приободрил его шут.

Фрэд усмехнулся, и в этот самый миг послышалось конское ржание.

– Нашлась! – радостно воскликнул писака, потирая ладони. – А я на цыган грешил. Жозефина, иди сюда!

Спустя несколько секунд появилась кляча, и это событие вновь разочаровало Фрэда. Лошадь оказалось чужой, но имелся и плюс – повозка! Если договориться с хозяином, то

можно доехать до столицы, если, конечно, тому по пути. Но договариваться не пришлось, в телеги лежали вповалку дворцовые музыканты, возвращающиеся со свадьбы из Длинных плугов. Одноглазый возница спал. Добредя до путников, кобыла замерла и стала обнюхивать связанного лесника, от которого несло болотиной за милю. Видимо почувствовав, что гнедая встала, погонщик приоткрыл единственный глаз и гаркнул, разбудив своих друзей.

– Какого рожна остановилась, бестия?!

– Рене, – окликнул его темноволосый певец, садясь и хватаясь за голову. – Говори потише, по добру тебя прошу. Голова трещит.

Тут заговорил второй голосарь компании, обращаясь к первому.

– Михась, подвинь свой зад. Я сейчас с телеги свалюсь!

– Дрон, – ответил тот, – иди ты, знаешь куда...

В перепалку вступили и другие участники труппы.

– Мария вообще все место заняла!

На что та ответила.

– А от тебя, Яшка, всю дорогу перегаром несет!

– Да-да, – поддержал ее хозяин звонкого бубна – Сандро.

– От вас самих не розами пахнет! – вступился за друга длинноволосый блондин со странным именем Бал, высунувший голову из-под соломы.

Завязалась толкотня, грозящая перерасти в нешуточное побоище, в результате которой с повозки был сброшен прямо в дорожную грязь ни в чем не повинный возница. Он вылез из жижи, отжал портки, рубаху и, натянув обратно одежду, кинулся в кучу-малу, которая продолжалась пять минут, если верить часам шута.

– Не переубивали бы друг друга! – покачал головой Прохор, но броситься разнимать бузотеров не рискнул. Он, конечно, в драке не промах, но тут не его ума дело. Сами пускай разбираются. Те закончили, когда начала громко верезжать Мария. Кто-то из мужиков, видимо, потерял интерес к драке, и принялся ее щупать за всякое. Она не стала это терпеть и в ответ дала кому-то коленом между ног. Успокоившись, музыканты, наконец, обратили свое внимание на невольных зрителей представления, что они устроили.

– Мое почтение, уважаемые! – махнул рукой Прохор. – Вижу, свадьба удалась на славу.

Артисты одновременно отмахнулись и принялись поправлять растрепавшуюся одежду.

– Не говори ничего, – буркнул Рене, подбирая вожжи. – У тебя, я вижу, тоже все спилось, – и он кивнул на лесника.

– Ага, расскажу – не поверите!

– Прыгайте в телегу, – сказал Михась, припадая к бутылки с водой, – а этого на самое дно кидайте. Инструментов-то нет. Вчера гульнули хорошо. На мандолине всего две струны целых осталось. Кхе...

Дрон выхватил бутылку, которая, в свою очередь, переключалась к Марии, а уж потом и к остальным. Прохор с Фрэдом забросили лесника в телегу, а сами примостились с краю. Возница попытался причмокнуть пересохшими губами, но у него ничего не вышло, потому он стеганул клячу вожжами и прикрикнул.

– Трогай уже, гуляш ходячий!

Натужно заскрипели колеса, грозящие отвалиться в любой момент. Писарь тут же заснул, привалился к Прохору и стал похрапывать, не смотря на то, что ему и нос затыкали и толкали в бок. Не помогло.

На гречишном поле колотили подвешенные к чучелам черепки, отгонявшие настырных птиц. Те взлетали, кружили некоторое время в стороне и снова предпринимали попытку опуститься среди колосьев. Небо окончательно очистилось от облаков, и теперь солнце могло свободно карабкаться вверх, не боясь быть сокрытым от людских глаз. В воздухе, вместе с ветром, носился аромат полевых цветов, и жужжали пчелы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.